

Александр Чернов

ФЛАГМАН
ВЛАДИВОСТОКСКИХ
КРЕЙСЕРОВ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Александр Борисович Чернов
Флагман владивостокских
крейсеров

Серия «Военная фантастика (АСТ)»

Серия «Одиссея крейсера

«Варяг»», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63624156

Флагман владивостокских крейсеров:

ISBN 978-5-17-134140-4

Аннотация

Бой у порта Чемульпо завершился не так, как предполагал японский адмирал Уриу. Разменяв тихоходную, морально устаревшую канлодку «Кореец» на два крейсера врага, в том числе первоклассный броненосный крейсер «Асама», Руднев на «Варяге» вырвался из смертельной ловушки. И не только смог довести его до Владивостока, но и привел с собой два новейших японских броненосных крейсера, взятых на abordаж в лучших традициях парусно-пиратских времен. Купленные у итальянцев, они шли в Йокосуку с перегонными командами, прикрываясь флагом британского торгового флота.

Шансы России в войне на море существенно выросли. Но главные ее битвы впереди. Окрыленный первыми успехами, Руднев задумал операцию по уничтожению эскадры адмирала Камимуры. Если удача не изменит русским и в этот раз, составленный штабом японского Соединенного флота план кампании будет перечеркнут.

В противном случае, впереди троицу наших современников и всю Россию образца 1904 года ожидает долгая, изнурительная война с умным и упорным врагом. Отныне их судьбы тесно переплетены с судьбами реальных героев и антигероев Родины тех грозных лет.

Смогут ли их знания и умения помочь ей победить? Уберегут ли страну от смут и революций? Надежда есть. В том числе и потому, что Николай II поверил удивительному рассказу лекаря с «Варяга».

Содержание

Пролог	6
Глава 1	15
Глава 2	73
Конец ознакомительного фрагмента.	107

**Александр
Борисович Чернов
Флагман владивостокских
крейсеров**

© Александр Чернов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Порт-Артур, февраль – март 1904 года

24 февраля у моряков в Артуре случился двойной праздник. Во-первых, из Питера поездом прибыл долгожданный новый командующий. Во-вторых, как по заказу, в день его приезда наконец-то удалось снять с мели подорванный еще в первую ночь войны «Ретвизан» и ввезти его в гавань.

Эскадра ожила. Ведь Макаров потребовал от командиров своих кораблей невиданного – проявлять инициативу!

После объезда всех кораблей рангом выше миноносца Степан Осипович собрал у себя командиров и устроил разнос тем, кто до сих пор не сдал в порт мины заграждения и не установил дополнительные заслонки на амбразурах рубок. На робкие попытки возразить, что, мол, «приказа, точно регламентирующего ширину щели, пока не было», Макаров начал фитилить с главным лейтмотивом: «Вы здесь с лекарем с “Варяга” встречались на три недели раньше, чем со мной, и он вам об этом говорил. А командир корабля обязан сам делать выводы, как именно поддерживать вверенный ему корабль в боеготовом состоянии».

Увы, отложенных «до усмотрения» новым командующим вопросов было множество. По части обучения экипажей каждого корабля в отдельности тому, что предстоит делать

в бою, на первый взгляд положение было не столь пугающе, как громаде навалившихся судоремонтных и модернизационных работ. Но при условии дружной работы всех – от командира до молодого матроса – можно было многое наверстать.

Адмирал в заключение и высказался именно в таком ключе:

– Успех наш возможен, господа, если каждый задастся целью работать не в силу только приказаний начальства, но из сознания, что, как бы ни была незначительна его личная роль, добросовестное ее выполнение может в иных случаях иметь решающее значение. Так, как это было при Чемульпо. Именно так в ситуации практически безысходной и безнадежной поступили наши герои с «Варяга». И победили!

Если простому, рядовому комендору внушить, что один удачный выстрел его орудия, разрушивший боевую рубку неприятельского броненосца, может решить участь боя, то ведь эта мысль наполнит все его существование! Он даже ночью, даже во сне, будет думать о том, как возьмет на прицел неприятеля! А в этом заключена вся суть дела. Уметь желать – это почти достигнуть желаемого. Теперь уж поздно нам вести систематические учения и занятия по расписанию. Каждый командир, каждый офицер-специалист, каждый заведующий отдельной, хотя бы и самой маленькой частью на корабле должен ревниво, как перед Богом, как на Страшном суде, выискивать свои недочеты и все силы отдавать на их

устранение. В этом деле и начальство, и подчиненные – первые его помощники.

Нельзя бояться ошибок и увлечений. Не ошибается только тот, кто ничего не делает. От работы, даже направленной по ложному пути, от такой даже, которую пришлось бы потом бросить, остается опыт. От безделья же, хотя бы оно было вызвано самыми справедливыми сомнениями в целесообразности дела, ничего не остается. Помните, что мы не знаем, как считать свое свободное время, данное нам на подготовку к решительному моменту, – месяцами, днями или минутами. Раскачиваться некогда. Выворачивайте смело весь свой запас знаний, опытности, предприимчивости. Старайтесь сделать все, что можете. Но обязательно думайте, предпринимая те или иные шаги. Безоглядного безрассудства война не терпит. Конечно, невозможное останется невозможным, но все возможное должно быть сделано. Главное, чтобы все, понимаете – ВСЕ – прониклось сознанием всей огромности возложенной на нас задачи. Осознали всю тяжесть ответственности, которую самый маленький чин несет перед Родиной! Дай Бог, в добрый час!

* * *

Адмирал, как ни быстро собрался в путь-дорогу, ничего не забыл, обо всем помнил и наперед многое предвидел. Вместе с ним приехали из столицы в Артур корабельные ин-

женеры и мастеровые старшего помощника судостроителя Кутейникова с Балтийского завода, а также полковник Меллер и с ним целая партия рабочих и мастеров с оружейного Обуховского. В порту и мастерских все зашевелилось.

Тотчас энергично двинулась постройка кессона для «Цесаревича», до того бывшая под сомнением, поскольку пробоина не только находилась в корме, где корпус броненосца сам по себе имел сложную форму, но еще и в районе дейдвуда. В итоге пришлось делать еще и лекальную «пробку» между корпусом и дейдвудом, с установкой которой все сооружение достигало должной герметичности. При ремонтах «Полтавы» и «Пересвета» смогли обойтись без кессонов вообще, а старый для «Ретвизана» признали негодным и выстроили новый. Самоотверженно трудились вольные техники и водолазы Ревельской спасательной компании, поменявшие лопасть винта на «Севастополе» с помощью кессон-колокола.

В артиллерийских складах, где в полном пренебрежении валялись орудия и части их установок, забранные еще в 1900 году из тянь-тзинского арсенала, начали разбираться. Кое-что, пропавшее бесследно, сделали вновь в мастерских порта и в итоге предоставили на сухопутную оборону до сорока орудий. На батарее Электрического утеса доработали станки, благодаря чему возможный угол обстрела орудий увеличился на 5 градусов.

После громадных нагрузок дневных работ и учений отды-

хоть приходилось урывками: чуть ли не каждую вторую ночь на внешнем рейде происходила локальная мясорубка. Макаров учел мнение Руднева и никогда не отправлял в дозор меньше четырех миноносцев одновременно. Кроме них, на внешнем рейде, как правило, дежурил минимум один старый, но опасный для миноносцев противника минный крейсер, «Всадник» или «Гайдамак». С них сняли минные аппараты и 47-миллиметровые пугачи и распихали вместо них по полдюжине трехдюймовок. Обычно на рейд выходила еще канонерка, а в готовности под парами каждую ночь стояла пара крейсеров.

Уже через две недели выяснилась разница в подготовке и характеристиках крейсеров, их командиров и команд. Идеальным борцом против миноносных судов оказался «Новик» под командой Николая Оттовича фон Эссена, закончивший ремонт пробоины от попадания в корму крупного снаряда в первый день войны. Высокая скорость, шесть скорострельных 120-миллиметровок, а также дерзость и бесстрашие его командира позволяли «Новику» занимать выгодное положение для расстрела миноносцев противника и вовремя уворачиваться от ответных минных атак. Вскоре он записал на свой счет два миноносца и минный катер.

Правда, после войны выяснилось, что на самом деле оба миноносца японцы дотащили на буксире до Чемульпо и после ремонта ввели в строй, но утопление тараном минного катера действительно имело место. Впрочем, японцы в дол-

гу не остались, по докладам командиров миноносцев, доставший их «Новик» был потоплен самодвижущимися минами минимум два раза. На деле единственными повреждениями нашего лихого крейсера второго ранга были три пробойны от 75- и 57-миллиметровых снарядов. Никто на борту даже не был ранен.

Вторым по боевой эффективности оказался броненосный «Баян» под командой Роберта Николаевича Вирена. «Аскольд» проявил себя в единственном для него ночном столкновении вполне неплохо, но Макаров предпочитал использовать его в дневных разведывательных выходах. Он, так же как и «Варяг» с «Богатырем», был недостижим для броненосных крейсеров японцев и слишком силен для их бронепалубников.

Зато «богиня» отечественного производства – «Диана» (ее сестра близняшка «Паллада» еще не вышла из дока, где ей не торопясь – в первую очередь работы велись на броненосцах – устраняли повреждения от минной атаки в первый день войны) – оказалась не слишком эффективной. Ее многочисленные 75-миллиметровки работали только на близких дистанциях, подойти на которые к миноносцам самому медлительному нашему крейсеру первого ранга было практически нереально. Правда, и японские миноносцы ее предпочитали обходить стороной.

Посмотрев на эту немощь, Макаров загадочно хмыкнул – «и тут не соврал варяжский врачеватель» – и приказал

снять с «богинь» больше половины 75-миллиметровых пушек, заменив их на четыре шестидюймовки, взятые с берега. А освободившиеся 75-миллиметровки установить по одной на корме каждого миноносца. После этой простой, как табуретка, меры русские миноносцы наконец-то уравнились в огневой мощи со своими японскими визави.

* * *

Макаров тотчас по прибытии в Порт-Артур объявил приказами диспозиции походного и боевого строя. В тех же приказах были им даны общие руководящие правила для действия артиллерией и маневрирования отдельных судов в тех или иных обстоятельствах боя. До сих пор подобного не было.

Немедленно был учрежден им из портовых судов и миноносцев «Тральный караван», в чем, несомненно, большая заслуга и флагманского минера эскадры Константина Федоровича фон Шульца, и информации о японских планах «минной войны», пересланной Рудневым из Владивостока. И теперь каждый день на тщательно протраленный спозаранку внешний рейд для отработки совместного маневрирования выходили по несколько кораблей.

Но сразу заставить всех эффективно «крутиться» в новом ритме, да еще и принимать правильные решения в быстро меняющейся обстановке, не получилось. Убедиться в этом

пришлось уже 27 февраля. В тот день – слыханное ли дело – вся порт-артурская эскадра впервые вышла на внешний рейд за время одной утренней полной воды в промежуток около двух часов. И вошла в гавань с шести до семи часов вечера по вечерней полной воде.

Неприятель скрылся бесследно...

Эскадра, выйдя в море, занялась эволюциями. Пользуясь отсутствием японцев, корабли усиленно маневрировали, вскоре выйдя на большие глубины, где мин можно было особо не опасаться. Причем адмирал сразу повел всю колонну на коротких интервалах, рассчитывая встряхнуть командиров, заставить почувствовать себя в строю.

Увы, результат получился довольно неожиданный и далеко не утешительный. Судя по всему, адмирал просто «загонял» отвыкших от такого ритма командиров. Когда эскадра уже подходила к Тигровке и Макаров приказал сбавить ход, три броненосца имели столкновение! Хотя сигнал был всеми принят, отрепетован и понят, но, как на грех, у «Севастополя» случилось какое-то повреждение по машинной части. В итоге ему изрядно попало в корму, но об этом приказано было не распространяться. Он был протаранен накатившим «Пересветом».

По счастью, настоящей пробоины не получилось, а только щель в разошедшихся листах обшивки, да еще была погнута одна из лопастей правого гребного винта, которую пришлось впоследствии менять при посредстве кессона-колоко-

ла. Однако и «Пересвету» столкновение не прошло даром – он слегка свернул себе на сторону таран и получил течь в носовой части. «Севастополь» не остался в долгу и ткнул «Полтаву», тоже наградив ее щелью под кормовой башней. Таковыми были наглядные результаты стояния в вооруженном резерве.

Можно представить душевное состояние Степана Осиповича, молча и сосредоточенно наблюдавшего весь этот «компот» с мостика «Петропавловска». О чем уж тут было говорить? Калек и хромоногих у нас прибыло. Полностью боевых способных броненосцев осталось *два*. А к этому нужно прибавить выход из строя многих шестидюймовок при проведенных стрельбах – сдавали то накатники, то подъемные ду- ги...

Кое-кто в крепости даже ожидал непоправимого: случись такое столкновение в мирное время, ответственный адмирал был бы отрешен от командования и немедленно отдан под суд. Будь он хоть трижды Макаров. Сейчас же наместник только крепко ругнулся, прочтя рапорт об инциденте, после чего, тяжело вздохнув, добавил:

– Коней на переправе не меняют. Или Рудневу с владивостокскими поначалу легко было?

Глава 1

Приходите, гости дорогие...

Владивосток, 20–26 февраля 1904 года

Закрыв на телеграфе первый пункт повестки дня, Петрович успел в Морской штаб к началу встречи корабельного и берегового начсостава. В пропахшем табаком, приземистом одноэтажном деревянном строении с крохотной мансардой, увенчанной сигнальной мачтой с Андреевским флагом, было тепло и как-то по-особенному, по-домашнему, уютно. В зале, а по нашим меркам – в комнате-тридцатиметровке, уже собрались все приглашенные, что само по себе внушало некоторый оптимизм. Но, как вскоре выяснилось, не вполне оправданный.

Бодро изложив господам офицерам свои мысли о грядущем обстреле крепости эскадрой Камимуры и идеи по борьбе с этой неминуемой напастью, свежееиспеченный контр-адмирал и начальник отряда владивостокских крейсеров нарвался на глухую стену недоверия. Причем не на немую. Громче всех злобствовал начальник над портом контр-адмирал Гаупт. Отчасти его можно было понять: большинство работ по авральной колке льда и беспрецедентному доселе минированию обледенелого залива предстояло осуществить

именно ему.

При этом Николай Александрович, конечно, не предполагал наперед, что свой пост и шанс дослужиться до вице-адмиральской пенсии сохранил только благодаря личной просьбе Руднева к Алексееву. Просьбе, поддержанной самим императором в приватной телеграмме к наместнику. В итоге Евгений Иванович решил не менять его на убранного Макаровым из Артура в конце февраля махрового бюрократа Греве, на время «осевшего» в походном штабе наместника, а в июле переведенного в Севастополь...

– Всеволод Федорович! Ну нельзя же так! – почти срываясь на фальцет, неистовствовал Гаупт. – Я понимаю: только с моря, еще не остыли, везде японцы мерещатся... Но кто же мне разрешит почти весь запас мин разом вываливать в море? Да еще и в Уссурийский залив, куда японцы, скорее всего, вообще до конца войны не сунутся! И притом вам ведь подавай именно крепостное заграждение¹. У меня в порту столько проводов не найдется! Две сотни мин... Одними плотиками не управимся и за неделю. А еще льда в заливе полно. Да тянуть провода еще. И все за два дня? Портовые баркасы еще найду да угольные баржи дам. Две. Слава богу, крейсера погрузились. Но порожних больше не найду. А вот людей свободных у меня сейчас нет. Пусть крепостная

¹ *Крепостное минное заграждение* – по терминологии начала XX века минное поле, которое можно активировать или деактивировать с берега простым замыканием ключа, находящегося на берегу. Сейчас такие заграждения называют управляемыми минными полями.

рота и их инженеры сами все ставят... Помилуйте великодушно, но сроки вы задаете – ни в какие ворота! И что за фантазии такие, в самом деле?! «Он придет послезавтра!» Может, вы после вашей одиссеи слишком сильно боитесь Камимуры, но...

Но внезапно энергичная и эмоциональная речь командира над портом была прервана разлетевшимися во все стороны осколками блюда. Глаза собравшихся метнулись от вошедшего в полемический раж Гаупта во главу стола, где сидел Руднев. Вернее, уже стоял. Раскрасневшийся и злой. Под его кулаком, которым он секунду назад попытался картинно грохнуть по столу, хрустели окровавленные осколки китайского фарфора. Теперь от боли он завелся по-настоящему.

– Я. Никого. Не боюсь! Я точно знаю, что Камимура придет обстрелять Владивосток. И придет скоро. Нельзя ему иначе! Иначе весь их флот потеряет лицо, а для японцев, самураев, это хуже смерти. А поскольку сам Того пока привязан к Порт-Артуру, нами заниматься будет Камимура. И это – без вариантов. Единственное место, откуда он сможет швырять в нас снаряды, не подставившись под ответный огонь, это бухты Соболев и Горностаев. По Артуру Того неделю назад именно так и стрелял. Через горный кряж Ляотешань. Вы об этом не знали? Или уже позабыть успели?.. Поэтому: приказываю переставить «Россию», «Громобоя» и «Богатыря» так, чтобы они уже завтра к вечеру могли вести перекидной огонь по этим акваториям. Корректировать его будет

дальномерный пост под командованием лейтенанта Нирода, который его как раз сейчас организовывает наеподалеку от форта Линевича. Это даст нам преимущество перед японцем, который будет стрелять вслепую...

– Простите, но... – неожиданно прервал Руднева каперанг Трусов.

– У вас что? Возражения?

– Нет, Всеволод Федорович. Соображения.

– Тогда давайте. Слушаем вас, Евгений Александрович.

– Я тут прикинул. Ведь что получается: нам стрелять-то кабельтовых на сорок пять – пятьдесят пять придется. Чтобы до них наши мортиры с Уссурийской батареи не доставали, ближе они скорее всего не подойдут. Так?.. – задал вопрос командир «Рюрика» и, дождавшись утвердительного кивка Руднева, продолжил: – Тогда мой крейсер, увы, вне игры-с. Не токмо таблиц стрельбы нет, мы просто физически не добьем-с². Да и «России» с «Громобоем» не рекомендовал бы развлекаться таким образом – никто на такое расстояние не стрелял. Как поведут себя орудия – неизвестно. Попасть куда-либо проблематично. Пустая трата снарядов...

² Предельная дальность стрельбы на максимальном угле возвышения 20 градусов 8"/45 орудий «России» и «Громобоя» составляла 13 000 м (70 кбт). Орудия 8"/35 «Рюрика» били на 9150 м (49 кбт) при максимальном угле ВН (вертикальной наводки) 15 градусов, 6"/45 орудия системы Канэ крейсеров стреляли максимум на 11 520 м (62 кбт) при угле возвышения 20 градусов. Таким образом, действительная дальность орудий того времени составляла около 60–65 процентов от максимально достижимой при 45 градусах возвышения.

– Хм. Интересная у вас логика, Евгений Александрович. А если мы в море встретим Камимуру и он нас будет гвоздить с этих самых сорока пяти или пятидесяти кабельтовых, что нам тогда делать? Спускать флаг, ибо мы никогда не стреляли так далеко и делать этого не умеем? Или проще сразу сбежать с поля боя, потому что у нас у половины орудий подъемные дуги поломаются от отдачи, ибо подкрепления слабые? Если японец отпустит. А отпустит ли, если наш отрядный ход – это ход вашего «Рюрика»? Перспективка не комильфо-с? Чтоб не оконфузиться, завтра и проведем пробные стрельбы, заодно посмотрим, добьет ваша артиллерия или нет. Может, по букве-то, вы и правы – для рюриковских пушек по пачпорту сие далековато. На пределе. Угла возвышения на станке не хватает. Так давайте выкручиваться! Думайте, что можно сделать, чтобы эти десять кабельтовых добрать.

– Градусов пять нужно, не меньше, для каждого орудия. Барабаны под станки делать – времени нет. Не успеем...

– А если *весь* крейсер накренить? Я вас в море завтра не пошлю, можете считать себя на это дело плавбатареей. Зато вот трофеи наши достанут до супостата с гарантией, так что отправьте, пожалуйста, половину ваших канониров на «итальянцев», сделайте одолжение. Остальным командирам: всех от противоминной артиллерии туда же. Пока еще команды на них с Балтики и Черного моря доедут, дорога-то армейцами вся забита, сами знаете.

– Но если мы будем стрелять прямо с рейда главным калибром, в городе побьет кучу стекол. Градоначальник с ума сойдет, – в задумчивости нахмутив свой высокий сократовский лоб, подал голос командир «Богатыря» Александр Федорович Стемман.

Руднев на пару томительно долгих секунд форменно лишился дара речи. Но серьезный, сосредоточенный взгляд остзейца убедил его, что это не замаскированная подковырка и утонченное издевательство над горячащимся новоявленным командующим, а совершенно искренняя озабоченность основательного и рассудительного человека...

– Господи! Спаси и помилуй нас, неразумных... Идет четвертая неделя войны, господа. Мы успели потерять минзаг, крейсер второго ранга, канлодку и истребитель. Подорваны и небоеспособны два броненосца и крейсер первого ранга. У нас здесь на носу набег японской эскадры, которая будет обстреливать порт и город. Вот уж где стекла-то полетят... А капитан первого ранга Стемман больше беспокоится не о том, как лучше организовать ответный огонь и минные постановки. Он рассуждает о том, что подумает градоначальник.

Да мне плевать, что он там подумает! У меня, у вас – сейчас иные заботы. Начинайте думать о войне! И только о войне, господа офицеры. Не о карьере. Не о градоначальнике с его нервной супругой. Не о внешнем виде кораблей и не о сбережении угля. Думайте только о войне и противнике.

Наша забота сегодня – чтобы после ее окончания у градоначальника физически сохранилось то, чем он сможет думать! И поэтому посылайте всех местных цивилизных, недовольных вашими действиями, к чертовой бабушке со спокойной душой и чистой совестью. Или ко мне посылайте, что, в принципе, одно и то же.

Переждав смешки, Руднев продолжил уже спокойнее:

– И... да. Кстати о стеклах. Спасибо, что напомнили... – Слегка поморщившись, Петрович вытащил наконец засевший под кожей осколок фарфора. – Надо бы нам в завтрашних газетах инструкцию по подготовке к обстрелам для горожан подготовить. Песок, ведра, багры, топоры и прочее. А стекла пусть обязательно проклеивают лентами бумаги. Или хоть теми же газетами нарезанными. Крест-накрест. На клейстере. Так высадит меньше, и осколками, даст Бог, народ не так посечет. Если нет погребов, пусть во дворах окопчики долбят. Снаряд, он ведь не разбирает, военный перед ним или бабушка с внучкой. У кого с мужиками проблема – пусть армейцы помогут. Но чтоб к вечеру завтра, хоть примитивные укрытия, а подготовить в городе... Теперь вернемся к нашим бар... делам то есть.

Я бы попросил командиров крейсеров отрядить минеров, часть офицеров и свободных от вахты нижних чинов для содействия крепостным в проведении минной постановки. Заодно сдайте с кораблей все мины заграждения в портовый арсенал, уьем двух зайцев одним выстрелом: разгрузим ко-

рабли от взрывоопасной гадости и пополним береговой запас. Я тут набросал примерно, где, по моему мнению, надо ставить мины. И откуда японцы планируют нас обстреливать. Вот, взгляните. И высказывайтесь, господа, у кого какие есть предложения? Что нам ждать и кого, вы знаете...

После эмоционального, но уже вполне делового обсуждения деталей подготовки к встрече дорогих гостей, которое закончилось принятием нескольких неожиданных, с точки зрения «нашей» реальности, решений, Руднев отпустил «накрученных» офицеров.

Одной из этих «неожиданностей» стал перенос места стоянки «Богатыря» и дежурного отделения миноносцев к самому горлу входного фарватера бухты. Предложил это сам Стемман, резонно заявив, что при перекидной стрельбе от его шестидюймовок нет смысла ждать особого толка, но вот если кто-то из японских легких крейсеров вздумает сунуться в Босфор, чтобы Камимуре корректировать стрельбу, тут-то они и могут пригодиться...

* * *

Наскоро перекусив, Петрович принялся за прочие неотложные дела. И начал он с просмотра принесенных штабными только что расшифрованных телеграмм за последние двое суток. Сверху в папке лежала самая свежая. Текст ее был краток и лаконичен: *«Поздравляю блестящими успеха-*

ми. Планирую быть Харбине 22.02. 12 час. Срочно телеграфируйте возможность прибытия Харбин. Макаров».

«Тыкс... Паршиво. Потому, что 22-го у нас японские гости. Получается, что придется отказывать командующему? Иными словами – не выполнять приказ. Хорошенькое начало взаимоотношений с непосредственным начальником, блин. А что делать? Тут ни на кого пока надеяться я не могу. Налажают. Однозначно... Обидится или нет Макаров, и чем это может закончиться – после разгребать. А вот Ками поймать – без пяти минут конец войне. Тут уж или грудь в крестах, или...»

Хоть кошки на душе и скребли, Петрович колебался недолго. И в адрес командующего ушла шифротелеграмма: *«Агентурным данным 22 февраля ожидается атака японской второй боевой эскадры порта Владивосток. Прошу разрешения не покидать вверенный отряд».*

Макаров отозвался сухо и по-деловому: *«Выезд Харбин вам отменяю. Примите все необходимые меры отражению неприятеля».*

На следующее утро город был разбужен грохотом орудий крейсеров, бивших поверх сопок в сторону Уссурийского залива. Многие обыватели были перепуганы, несколько стекол и правда вылетело – прав был Стемман, но у моряков были свои заботы и печали.

Наблюдавшие за стрельбами с оборудованного на сопке дальномерного пункта командиры крейсеров были неприят-

но удивлены тем фактом, что два снаряда из трех, ошибочно выпущенных артиллеристами «Громобоя» по слишком низкой траектории и поэтому не долетевших до залива, не взорвались. Английские же снаряды «гарибальдийцев» взрывались все, даже падая в воду. Однако Руднев не только воспринимал это как должное, но и зловеще предрек:

– Погодите, господа, вот вернетесь по кораблям, тогда по-настоящему расстроитесь...

Пробная стрельба «Рюрика», как и ожидал Руднев, прошла не на ура. Нет, его восьмидюймовые снаряды в принципе долетали до района предполагаемого маневрирования японцев. Но вот для того чтобы предсказать, куда именно снаряд соблаговолит упасть, надо было быть не артиллеристом, а скорее астрологом. Рассеивание боеприпасов, выпущенных из устаревших короткоствольных восьмидюймовых пушек, было на такой дистанции слишком велико даже для стрельбы по площадям.

По результатам учений Руднев предложил иметь на каждом корабле копию карты, разбитой на заранее пронумерованные квадраты. Тогда с дальномерных постов достаточно было передавать только номер квадрата, в котором находились японские корабли, не заморочиваясь с передачей дистанции и азимута. Упрощение организации огня было настолько очевидным, что господам офицерам осталось только развести руками, почему до Руднева никто до этого не додумался.

Насчет расстройства по прибытии на корабли – так и вышло. Пока команды минеров и моряков с полутора десятков разнообразных плавсредств и шести миноносцев под общим надзором лейтенанта Зенилова, старшего минного офицера «Рюрика», соединяли их взятыми на крепостных складах и реквизированными на телеграфе проводами, командиры «России» и «Громобоя» столкнулись с новой бедой. Почти треть шестидюймовых орудий, выпустивших всего-то по пять снарядов на ствол, пришла в негодность. Они беспомощно уставились в небеса, и не было никакой возможности их опустить – подъемные дуги были переломаны отдачей при выстрелах на больших углах возвышения. На возмущение офицеров, что теперь их крейсера потеряли часть боеспособности, Руднев хладнокровно отвечал: «Лучше сейчас, а не в бою». И приказал за три дня заменить поломанные дуги, а в течение полутора суток – подкрепить исправные орудия. А чтобы господа командиры напрасно не гадали, успеют ли починить до боя поврежденные пушки на их кораблях, Руднев с улыбкой предложил им перетянуться на верхах, встав к предполагаемому направлению появления противника не стрелявшим сегодня бортом. Оказалось, что «Надежный» и пара буксиров в помощь «России» и «Громобоя» именно на этот случай были посланы контр-адмиралом еще с утра.

Возмущение Гаупта, который сетовал по поводу непредвиденного расхода металла и отвлечения рабочих от «более

срочных задач» и вопрошал, «откуда господину контр-адмиралу известно, что в низкой кучности виноваты именно подкрепления орудий», было уже привычно проигнорировано Петровичем. Он начал привыкать к манере Гаупта сначала истерить и гнать волну, а потом, ворча и чертыхаясь, делать что велено.

В общем, весь Владивосток стараниями Рудева напоминал разворошенный палкой пчелиный улей. Во дворах стучали ломы и кирки: рыли щели-убежища. Провели учебную стрельбу береговые батареи. Команды четырех номерных миноносцев аврально перебирали машины, готовясь к выходу для добивания поврежденных на минах японцев.

Подумав насчет «Рюрика», все-таки решили, что восемь шестидюймовок и пара старых, но мощных орудий будут весьма нелишними, а учитывая, что шанс на пробитие брони на такой дистанции был только у крупных снарядов, стариком решили не пренебрегать. По пробитому «Надежным» каналу он втянулся в Гнилой угол Золотого Рога и встал на якоря так, чтобы свободно бить в направлении Уссурийского залива обоими восьмидюймовыми и всеми среднекалиберными пушками правого борта.

Для увеличения дальности стрельбы на нем по максимуму забили углем все ямы левого борта, на правом опорожнив от котельной воды отсеки двойного дна. Это дало кораблю крен в четыре градуса и соответственно повысило углы возвышения артиллерии. Таким образом, Петрович, использо-

вав известный ему по нашей истории опыт «Славы» у Моонзунда, добился того, что все его броненосные крейсера могли участвовать в предстоящей игре с Камимурой.

Пока команды минеров с помощью «Надежного» аккуратно топили мины, Гаупт вновь высказал свое сомнение насчет «этой затеи». На его предупреждение, что до четверти мин не сработает из-за того, что провода могут быть порваны льдом, Руднев хладнокровно приказал через зону приобоя провести их внутри старой паровой трубы и установить не две сотни, а двести пятьдесят мин, ровно на четверть больше, чем окончательно ввел начальника порта в ступор. И когда поручик-минер пожаловался Гаупту, что треть мин при использовании на морозе такой изоляции может не сработать, тот просто приказал ему молчать об этом...

Не мытьем так катаньем настырный адмирал добился-таки своего. Последняя галочка в списке стала кружочком: вечером 21-го успели оборудовать на сопке подле дальнего поста Нирода хранилище аккумуляторных батарей для запитки минного ограждения. Работавшие как проклятые матросы, солдаты и офицеры не могли понять лишь одного – почему упертое начальство требует, чтобы работы были завершены именно к 22-му числу?

* * *

22 февраля 1904 года японских крейсеров в окрестностях

Владивостока замечено не было. Так же как 23-го. Как и 24-го...

Вечером 24-го, после очередного дня, проведенного в полной готовности к отражению несостоявшийся атаки японцев, Владивосток засыпал. В номере гостиницы, за закрытыми дверями слегка пьяный контр-адмирал Руднев изливал душу лейтенанту Балку.

– Ну как? Как я мог ошибиться? Это же одна из основных дат Русско-японской войны! Двадцать второго февраля по старому стилю – набег Камимуры на Владивосток... Ну? И где эта скотина косоглазая? У меня весь день ощущение, что на меня все пальцем показывают, вот, мол, тот самый контр-выскачка, который заставил всех двое суток вкалывать без сна зазря. Вася, мне же теперь никто не поверит в этом городе!

– Петрович, погоди. Ты что, кому-то обещал, что японцы придут именно двадцать второго?

– Не помню... Кажется, нет. Но что это меняет? Я весь город гнал, как лошадь, чтобы поставить мины и быть готовыми стрелять именно двадцать второго! Где этот Камимура? И Макарова я, получается, просто обманул, когда отказался к двадцать второму быть в Харбине. И сволочь какая-нибудь уж точно настучит, что я был с похмелюги и что...

– Уймись! Что ты психуешь? У Камимуры сейчас по сравнению с нашим миром проблем добавилось, броненосных крейсеров стало на один меньше, а у нас на два больше. Мо-

жет, он бункеруется? Может, ему надо больше времени, чтобы собрать свои корабли. Ведь если его крейсера посылали ловить «Варяга», а больше посылать некого, то они были в разгоне по одному-два. Пока все собрались в Сасэбо, пока забункеровались, пока дойдут сюда – вот тебе и денька два-три задержки. А может, они вообще операцию отменили? Тогда я точно тебе не завидую, когда пред очи Степана Осиповича предстанешь... Или наоборот – возьмут, да и усилят Камимуру парой броненосцев. И попробуют в стиле Нельсона или Нахимова утопить нас всех прямо в гавани. Это тебе урок, Петрович...

– На какую тему урок? Не въехал...

– Не полагайся больше на свои знания нашей истории войны. Ты ее уже переписал. Непонятно только, в какую сторону... Думай головой, теперь тут все точно пойдет не так, как у нас. И все даты по ходу боевых действий можешь смело забыть. И лучше скажи, почему у меня на телеграфе отказались принять телеграмму в Питер Вадику, сослались на твой приказ? Это ты из-за того прикола нашего дражайшего юного графа Нирода?

– Не. Это уже замаяли. Телеграммы ни у кого не принимают. Я запретил отправлять все, что не имеет моей визы. В городе полно японских шпионов, кроме как по телеграфу, они о минной постановке никак сообщить не успеют. Так чем думать, кто и каким кодом чего передает, я решил, что проще заблокировать всю связь на пару дней. Потерпят.

– Ну вот. Это я и называю – думать своей головой. Ведь можешь же! Только ты мою телеграмму завизируй, да? Я хочу, чтобы Вадик мне из Питера кое-что подогнал. И еще, если у нас задержка на пару дней, я, наверное, успею еще один сюрприз Камимурушке устроить – выдели мне с полсотни гильз от шестидюймовых выстрелов с бездымным порохом и столько же картузов с бурым, да роту солдатиков из гарнизона.

– Фигня вопрос. А если Гаупт вздумает опять хорохориться, я ему...

– Стоп! Петрович, тормози шашкой махать. Сегодня у нас с тобой двадцать четвертое февраля. Так? Да, конечно, уже двадцать пятое... Как явствует из вчерашней невнятной писульки нашего засланца, в Питере свершилось нечто почти невероятное. А именно: Вадик с самодержцем познакомился и теперь до тела, то есть до ушей и мозгов, допущен. Так? А сочетание этих двух фактов есть очень положительная вещь, потому как имелась у меня на счет второго момента определенные сомнения. И весьма серьезные, кстати. Но. Пока есть время, давай-ка мы с тобой пожую наконец главную тему. Поскольку без понимания, куда рулить в стратегии войны, мы можем запросто налажать в тактике, нажать смертельных врагов, что похлеще Того и Оямы окажутся и запросто скрутят нам шейки. А Вадику в первую очередь, ибо попал он сейчас в форменный гадюшник... Не возражаешь против такой логики?

– Валяй. Только у тебя что, досье или рецепты для него имеются?

– Поймешь, если перебивать не будешь. Напомни лучше: когда в нашем мире японцы вломили Засуличу в первый раз на Ялу?

– Восемнадцатого апреля вроде.

– Так... Итого, если учесть весь тот гемор, который ты им в Чемульпо вкатил, до этого события еще два месяца. Минимум! Петрович. Два месяца – это или пшик для одних, или целая вечность для других. Ты себя к какой категории относишь? Ко второй? Здорово! А то я как кислую рожу твою часов пять назад увидел, подумал, что к первой. Хорош карандашами кидаться! У них грифель от этого трещит, не фломастеры же... Короче, хочешь узнать, что я обо всем этом думаю?

– Валяй.

– Но сначала мне очень хотелось бы понять, что вы, господин контр-адмирал, знаете о внутривосточной и экономической обстановке на российском Дальнем Востоке, в Маньчжурии и Корее накануне этой войны в свете нашей бывшей истории? Что такое «Желтороссия», «безобразовская шайка», кто такой Безобразов, на чем полаялись адмиралы Алексеев и Абаза, почему Куропаткин слал отчеты о своей «работе» Коковцову и Витге, причем тут великий князь Александр Михайлович и как помазанник Божий рассчитывал отдаивать и «безобразовцев», и «франкобанки-

ров», но в итоге не стал, выбрав одну из сторон? И предупреждаю сразу от лишних вопросов: до того как меня Вадиков папик с его ассистентом в свой саркофаг залезть уговорили, эти темы я изучал тщательно. Потому как... Потому что так положено, Петрович. Так нас учили. Сначала разбираться, кому и что выгодно, а уж потом делать выводы, как в этой системе координат действовать.

А кроме того, еще и персональный интерес с молодых ногтей присутствует: «Двадцать три ступени вниз», Пикуль... И зря ухмыляешься, не все он знал, что-то и просто приврал, конечно, но для меня интерес к истории российской именно с его романов начинался. И не для меня одного, кстати. Или ты полагаешь, что при совке в военные училища подавались только троечники от безысходности с институтом?

Так. Понятно... То есть ты у нас «все больше по флоту»? Хотя что я тебя спрашиваю? Потому-то и отобрал из четырех кандидатов, что узость вашего горизонта, господин контр-адмирал, в глаза бросается сразу. Причем, что радует, в сочетании с патриотизмом и общей гражданской сознательностью. Поэтому, за полночь глядя, от долгих рассказов на сегодня я тебя избавлю. Но будь добр, вот это вот прочти в свободное время. Конспектировал на «Варяге», пока из Чемульпо шлепали. Если замечания, вопросы будут, спрашивай, не стесняйся. А потом это надо быстро переправить Вадиду. Причем секретно. Чтобы никому в руки не попало. Кстати, неожиданный вариант! С нашим отцом Михаилом. Все рав-

но он за какой-то чудотворной иконой в Питер собирается, без которой нам типа Артур ни в жисть не удержать...

И Балк, хитро прищурившись, вытащил из-за пазухи несколько сложенных пополам листов бумаги, исписанных аккуратным мелким почерком, и протянул Рудневу.

– Только смотри, Петрович, повторяю: секретно. За утрату... Не обессудь, короче.

– Это что, Вась?

– Если не понял еще, то это мое видение причин возникновения этой войны и роли некоторых личностей в сей печальной истории. На истину в последней инстанции не претендую, не великий аналитик. Но Вадиму должно пригодиться однозначно. Да и тебе. Для уяснения общего расклада... Все. Ушел. Спокойной ночи.

Вверху первой странички было лаконично написано: «Информация к размышлению: самодержец и Русско-японская война. По прочтении – сжечь».

Петрович, пробежав глазами первые несколько абзацев, не удержался и прочел текст до конца. Ко сну он отошел только в начале четвертого утра, пробурчав себе под нос:

– Складно поешь, касатик... Только, что мы с этим делать-то теперь будем, а? Как там в анекдоте про Сталина и Рокоссовского... завидовать будем? Или валить из этого серпентария подобру-поздорову?

На следующий день за ворохом текущих дел, руганью с командирами «рюриковичей» по поводу демонтажа грот-мачт и поспевших к вечеру артуровских новостей об очередном набеге японских миноносцев, попытавшихся добить стоящий на мели у Тигровки «Ретвизан», Петрович так и не сумел переговорить с Василием тет-а-тет, дабы обсудить прочитанное. Он решил сделать это завтра, за завтраком. Но сбыться этим планам было не суждено.

Утром 26 февраля, когда владивостокское морское начальство смаковало свежую телеграмму из Артура, где многострадального «Ретвизана» смогли-таки затащить в гавань аккуратно к прибытию адмирала Макарова, Камимура все же объявился возле Владивостока.

Василий, в принципе, угадал верно. Задержка у японцев была вызвана необходимостью собрать разосланные за «Варягом» броненосные крейсера в кулак, добавить к ним пару наиболее быстроходных броненосцев Того и забункероваться. Сейчас к Владивосток подошли не только броненосные крейсера «Идзумо», «Ивате», «Якумо», «Адзума», но и броненосцы – трехтрубный «Сикисима» со своим систершипом «Хацусе». Последняя пара входила в число сильнейших броненосцев мира, и пока она была в море и сохраняла боеспособность, выход крейсеров Владивостокского отряда из Бос-

фора Восточного был равноценен самоубийству. Силам Камимуры были также приданы бронепалубные крейсера «Казаги» и «Иосино».

Как и предполагал Петрович, японцы, справедливо опасаясь русских минных полей, о координатах которых им было примерно известно, а также плавучего льда, не рискнули войти в Амурский залив. И вместо этого направились в Уссурийский, где, несмотря на небольшие помехи в виде отдельных льдин, любезно вышли напрямик на недавно установленное минное поле. Дав несколько залпов по фортам сухопутной линии обороны Суворова и Линевица, на втором галсе корабли Камимуры перенесли огонь на гавань, с расстояния примерно в пять с половиной миль.

Руднев успел к этому моменту прибыть на свой тщательно замаскированный командный пункт, развернутый на сопке, метрах в семистах от ограды форта Линевица. Оттуда он и планировал осуществлять общее руководство боем. Подождав для верности еще пяток минут, чтобы на минное поле втянулась вся японская кильватерная колонна, он приказал замкнуть цепь заграждения и открыть огонь.

Японцы кидали снаряды практически без корректировки. Конечно, по плану их легкие крейсера должны были давать информацию о местонахождении русских кораблей и падении снарядов. Но на практике из этой затеи ничего не вышло. От острова Скрыплева, где поначалу «собачки» сделали пару галсов, расстояние было слишком велико, а ветер нес в

сторону моря ключья сизого дыма от выстрелов русских пушек, еще больше ухудшая видимость.

Когда же «Иосино» с «Касаги» дерзко направились еще глубже в Босфор, вступив в перестрелку с Новосильцевской батареей с острова Русский, что этим слабо бронированным крейсерам было категорически противопоказано, из Золотого Рога, несмотря на битый лед, выдвинулся «Богатырь». И с сорока пяти кабельтовых также открыл огонь по незванным гостям. За ним следом подходили три номерных миноносца.

Получив информацию о том, что русские зашевелились, и предполагая, что на «честный бой» собирается выходить весь владивостокский отряд, Камимура, не желая пока рисковать своими «тонкокожими» бронепалубными крейсерами, отозвал их... Как и Руднев «Богатыря».

Увы, отсутствие корректировки самым печальным для японцев образом сказывалось на стрельбе их броненосцев и броненосных крейсеров. В подавляющем большинстве их снаряды глушили рыбу в гавани, крушили портовые постройки и жилища обывателей на берегу, но от кораблей пока падали на солидном расстоянии.

Ответный огонь русских был организован не в пример лучше. лейтенант Нирод, определив местоположение японской эскадры, передал на изготовившиеся к бою корабли четыре цифры: номер квадрата, в котором та находилась. Артиллеристы на крейсерах сами определили дистанцию и курсовой угол. Конечно, такая стрельба не могла быть столь

же эффективной, как по непосредственно наблюдаемой с корабля цели. Но первый же залп русских неприятно удивил Камимуру: снаряды легли вокруг его трех головных крейсеров. И их было много... Практически накрытие!

Он не ожидал, что враг откроет ответный огонь так скоро, он не ожидал, что в залпе могут поучаствовать с десяток крупнокалиберных орудий и два десятка шестидюймовок. И уж точно он не мог предположить, что первый же залп ляжет столь близко от его кораблей. Такое начало не соответствовало ни принципам организации корабельной стрельбы в начале века, ни недавней практике обстрела Артура... Второй и третий залпы русских показали, что удачное падение первых снарядов было не случайным. Но сюрпризы на этом не кончились.

Неожиданно заголосил сигнальщик на мостике флагманского «Идзумо»:

– Наблюдаю залп береговой батареи, пушечная, шесть орудий, третья сопка к югу от цели номер один, примерно на две трети от вершины!

«Береговые пушки в зоне прямой видимости? Почти по соседству с фортом Линевича? Это не мортиры с Уссурийской, которые до нас не достанут. Это серьезная опасность для кораблей!» – мгновенно пронеслось в голове Камимуры, который, тоже перебежав на край мостика, стал высматривать в бинокль, где именно находится батарея русских. «Это плохо – никакой информации о ней нет, по данным разведки,

на этом направлении позиции еще не достроены. Ага! Точно, вот свежеповаленный лес, бревенчатые брустверы практически не замаскированы, видать, достраивали в спешке. Вот и залп! Точно, шесть орудий. Судя по факелам выстрелов – шестидюймовки, порох бездымный, значит, сорокапятникалиберные Канэ. Ну что ж, мы сюда и пришли, чтобы заодно выявить систему обороны Владивостока».

– Поднять приказ по эскадре: перенести огонь на обнаруженную батарею противника! Обстреливать до полного подавления!

Четырех залпов японцам оказалось более чем достаточно для полного перемешивания с землей и деревьями неожиданно открывшейся батареи. После третьего из горящего леса упрямо отозвалось лишь одно орудие, но это уже была агония. Хотя уважительный кивок Камимуры неизвестные батарейцы заслужили. Пятый, контрольный, залп поставил на батарее жирную точку: двенадцатидюймовый снаряд – это не только три центнера металла, но и полста кило шимозы.

Однако стоило японцам перенести огонь обратно на порт и город, как ожила еще одна батарея на соседнем склоне, чуть севернее, на этот раз, судя по дымным выстрелам, огонь вели старые шестидюймовки Бринка.

На подавление этой новой напасти понадобилось уже семь залпов главным калибром броненосцев и крейсеров. Вскоре на месте батареи бушевал пожар, в котором то и дело что-то взрывалось, в честь чего по палубам японских кораблей про-

неслось многоголосое «банзай»! За время обстрела береговых батарей японцы получили два попадания шестидюймовыми снарядами.

Следующие полчаса после их подавления взаимная перестрелка продолжалась без единого попадания как с той, так и с другой стороны. Японцы выпустили уже более двухсот снарядов, русские – порядка полутора сотен.

А на своем КП ошарашенный Руднев не мог понять, как могут шесть глубокоосидающих броненосных кораблей полчаса крутиться на минном поле без единого подрыва? Посланный к минерам ординарец подтвердил, что все цепи замкнуты. Оставалось только ждать...

Неожиданно из дымной пелены, начинающей из-за пожаров затягивать побережье залива, перед Петровичем возник донельзя довольный собою Балк.

– Ну как, господин контр-адмирал? Понравилось вам пиротехническое шоу?

– Впечатляет. Если бы я сам не знал, что это ты там хулиганишь с дистанционными подрывами зарядов, а пушки сделаны из бревен, то сейчас всплакнул бы о судьбе двух погибших батарей. Ведь до последнего отбивались, – сдержанно улыбнулся Руднев. – Наши гости по твоим обманкам вывалили примерно пятьдесят двенадцатидюймовых снарядов, под сотню восьмидюймовых и хрен знает сколько шестидюймовых... И я их понимаю: если бы я обнаружил в двадцати кабельтовых береговую батарею, которая по мне лупит, я бы

тоже ее приказал сравнять с землей на максимальной скорости стрельбы! В общем, чем больше они постреляют по сопкам, тем меньше снарядов упадет на город и порт. Спасибо за идею!

– Да не моя это идея. Сам же намеревался организовать там настоящую батарею, пока Савицкий тебе не объяснил, что и за неделю никак не успеть. Даже если весь гарнизон будет пупы надрывать денно и нощно. А ложную мы, как видишь, за сутки вполне сварганили.

– Слушай, Василий, а как ты умудрился так шикарно имитировать стрельбу? Ведь кордитные заряды просто сгорают?

– Легко, твое превосходительство. Запыжевал в гильзу картуз бурого пороха – вот вам и старая шестидюймовка, а с бездымными зарядами от Канэ пришлось экспериментировать. Короче, оставил я в гильзе ползаряда, а сверху затолкал шлиссельбургский порох пополам с угольной пылью. Ну и с запалами покумекал. Согласись, похоже ведь получилось?..

Тем временем лучшая организация русского огня начала давать результаты – шедший вторым «Ивате» получил восьмидюймовый привет от «России» или «Громобоя». То, что снаряд был русского образца, было ясно по тому, что он, пробив верхний легкий борт, взорвался уже вне корабля. Еще через пять минут шестидюймовый подарок влетел в верхний броневой пояс «Сикисимы», что было абсолютно безопасно, но на нервы действовало. Еще полчаса такой дуэли убедили Камимуру в том, что единственным результатом продолже-

ния бомбардировки станут расстрелянные орудия и пустые погреба его кораблей, а может и их повреждения.

За эти тридцать минут русские добились еще трех попаданий, из которых одно было весьма неприятное: на «Адзуме» взрывом восьмидюймового снаряда с «Корейца» разбило трубу, что снижало эскадренный ход до семнадцати узлов. Единственное ответное попадание в стоящий в Гнилом углу «Рюрик» осталось японцами по понятным причинам незамеченным, хотя и вызвало на нем небольшой пожар и падение грот-мачты.

По ходу действия Руднев, опасаясь, что с минным загрязждением что-то пошло не так, погнал минеров проверять цепи. Но суетиться было поздно. Спустя полтора часа после начала обстрела японцы ушли. Последней каплей, убедившей Камимуру, что пора поворачивать оглобли, стал разрыв явно десятидюймового снаряда в полукабельтовом по носу его флагмана. Если русские столь быстро умудрились освоить артиллерию «Ниссина» и «Кассуги», то риск становился слишком велик – одно такое удачное попадание в броненосный крейсер может поставить крест на возможности довести его до Японии.

Преследовать силами четырех крейсеров, из которых один бронепалубный, эскадру из двух эскадренных броненосцев, четырех броненосных крейсеров и двух бронепалубников смысла не имело. В бессильной злости, тоскливо проводив взглядом корабли Камимуры, скрывающиеся в мороз-

ной дымке, Руднев похромал в блиндаж к минерам. Дотопав, он устроил разнос дежурившему поручику на предмет, почему более чем за час нахождения кораблей на минном поле никто не подорвался. Оправдывающийся поручик из крепостных минеров со следами вчерашнего возлияния на лице что-то лопотал по поводу непригодности телеграфных проводов для инженерного минирования вообще, о неправильном материале изоляции и падении напряжения в батареях за три дня на морозе.

В сердцах сплюнув, Руднев с матерком со всей дури пнул здоровой ногой ящик с рубильником, который подавал напряжение от батарей на мины. Проскочила неслабая искра, деревянная облицовка ящика и носок сапога обуглились, а в воздухе приятно запахло озоном. И в тот же миг земля под ногами вздрогнула. А еще через несколько секунд с моря донесся долгий и протяжный грохот взрыва. Вернее, нескольких взрывов, слившихся в один...

– Шесть... Се... Восемь подрывов! – донеслись до оцепеневшего Руднева крики наблюдателей.

К сожалению, эскадра Камимуры уже скрылась из виду. И японские моряки не смогли полюбоваться на устроенный в их честь фейерверк, для организации которого ушло так много сил и средств. Можно было начинать подводить итоги бомбардировки.

В городе, как и предсказал Стемман, повыбило немало стекол. Особенно пострадали районы, прилегающие непо-

средственно к порту. Если в реальности Карпышева японцы ограничились скорее демонстрационной атакой, то на этот раз они действительно пытались уничтожить корабли в гавани. Поэтому счет жертв шел не на единицы, а на десятки. Причем жертв было бы гораздо больше, если бы не погреба и не открытые во дворах по приказу Руднева щели. Все-таки двенадцать дюймов главного калибра броненосцев – это гораздо серьезнее, чем восемь дюймов крейсеров Камимуры.

Флоту тоже досталось несколько больше, чем в нашей реальности. «Рюрик» получил двенадцатидюймовый полуброненбойный снаряд в батарейную палубу почти на миделе. Пожар, изрешеченные осколками дефлекторы и вторая труба, перебитая и перекошенная на вантинах грот-мачта, три поврежденные осколками пушки, пятеро погибших матросов и одиннадцать человек раненых... Неприятно, но не критично для корабля в гавани, рядом с доком. Конечно, мертвых не воскресишь, но котлы не пострадали, машины тоже.

В итоге, хоть это и звучит цинично по отношению к погибшим и покалеченным морякам, эффект от этого попадания был скорее положителен для русских, чем отрицателен. Теперь «Рюрик» в любом случае надо было ремонтировать, причем под руководством Карпышева. И если бы японцы могли позже задним числом выбирать, попадать ему в палубу в тот морозный день или не попадать, то они скорее предпочли бы промазать.

Кроме этого, на сопках, в местах ложных батарей, выго-

рело или было вывалено по полгектара тайги. Туда теперь водили на экскурсии офицеров с кораблей для того, чтобы на живом примере показать действие японских фугасов.

В позитиве было девять попаданий в японские корабли. Хотя они и не нанесли японцам серьезных повреждения, труба «Адзумы» и пара шестидюймовок на «Ивате» не в счет, это легко ремонтировалось, но баланс был 9:1 в пользу русских. Да и сам факт отражения набега радовал. Вот только для понимающих истинную суть произошедшего радость эта была со скрежетом зубовным, и больше всех ими скрипел контр-адмирал Руднев.

Против ожидания, после того как в море отгремели взрывы, он не стал рычать, ругаться или как-либо еще проявлять свое неудовольствие. Он молча ушел с сопки, сел в экипаж и уехал в гостиницу, которая с некоторых пор стала его постоянным местом дислокации. Единственное приказание, которое он отдал в тот вечер: «Отбой, всем спасибо, на сегодня война закончилась. Лейтенанта Балка в 18:00 ко мне»...

Информация к размышлению: самодержец и Русско-японская война.

По прочтении – сжечь.

Письмо В. А. Балка М. Л. Баницикову [ориентировочно датируется мартом 1904 года, гриф спецхранения Центрального архива ИССП «Совсекретно. Хранить вечно». Форма

допуска 000-01-ОГВ. Фонд А3154-ОГВ, дело А3154-02. Папка А3154-02-148 «Документы и фотографии из семейного архива генерал-полковника ИССП В. А. Балка»]

Конечно, Михаил Лаврентьевич, о главном фигуранте в нашем деле ты многое знаешь. Он истинный ариец, это сомнению не подлежит. Характер нордический. То есть увлекающийся, мнительный, болезненно самолюбивый, мстительный. Склонен к религиозной мистике. Может спастись перед серьезными трудностями и открытым противостоянием. Поддается влиянию, но слабость эту за собой знает. Поэтому старается волевых личностей с собственным мнением возле себя подолгу не держать и на короткую ногу не сходиться. Исключение – командир гвардейского экипажа Ниллов. Но тот хоть и режет царю правду-матку в глаза так, как он ее понимает, никогда не добивается от него продвижения *своих* идей. У него их просто нет. А виночерпий он хороший.

Некоторая поверхностность в знаниях самодержца отчасти компенсируется умением выслушивать собеседника или внимательно прочитывать письменный доклад, после чего не спеша, обстоятельно сформировать на основе полученной информации свое мнение. Главное, чтобы до этого момента носитель контраргументов не успел к нему прорваться. В этом случае решение может быть принято на основе последней по времени информации. Его дядья часто этим свойством Николая и пользовались, зачастую заставляя от-

казываться от уже принятого верного решения.

Но главных недостатков на данный момент у него, как у личности, два.

В душе он *всех*, кроме своего семейства, считает унтерменшами. Посему и не может держаться за нормальных мужиков долго. Они начинают надоедать ему своим упрямством, вечно чего-то добиваются, планируют, суетятся... И как раз тут начинает работать вторая его пагубная черта: желание законсервировать собственный мирок в незыблемом «стабильном хорошо». Без эволюций, революций, реформ и войн. Тихо, ласково и по-доброму: я царствую, а вы на меня пашите и меня любите. Поэтому и уважает весьма Победоносцева с его теорией «замораживания общественных процессов во имя стабильности и порядка». Вот пока и всё его видение основ внутренней политики.

Короче, эгоизм в самодержцe живет абсолютный. Или абсолютистский.

При всем при этом Николай вполне искренне желает величия для России, через себя любимого, конечно. Он отличный семьянин. Но при этом страшно боится истерик супруги, а за ней такое начало водится с момента предыдущих несостоявшихся родов. В нашей истории, после осознания того, что чуда не произошло и ее сын гемофилик, и ему никто не в силах помочь, это стало случаться регулярно.

Теперь о политике внешней. Задолго до встречи с Безобразовым он очень интересуется Востоком вообще и Мань-

чжурией, Китаем и Кореей в частности. Ненавидит Японию и японцев. По сути, это его война. Откуда растут ноги? Большое путешествие, совершенное им еще в бытность цесаревичем, поселило в Николае II ложное представление о необъятности русской мощи на Дальнем Востоке, куда уже тянется Великий сибирский путь, который у нас, с английской, кстати, посылки, звался Транссибом.

Все местные перед заезжим наследником российского престола ожидаемо лебезят. Но вдруг в Японии простой самурай чуть не сносит ему катаной голову! За неуважение к порядку и спокойствию на улице. И если бы не греческий царевич, ехавший рядом с ним в другой рикше, изловчившийся тростью отвести удар меча, да не помощь обоих простолюдинов-рикш, кинувшихся на вооруженного самурая с голыми руками и не постеснявшихся скрутить его, порезом скальпа и костным рубцом на черепе Николай бы не отделался.

После покушения в Оцу, когда он был доставлен в Киото, вопреки всем тысячелетним обычаям японцев с извинениями приезжает из Токио сам их император. И тут, на глазах будущего царя, сопровождающий его генерал князь Барятинский «во имя престижа России» производит наглядную демонстрацию русского могущества и японского ничтожества: императора принимают на другой день – наследник устал-с. Предложение гостеприимства в токийском дворце холодно отклоняется: подходит русская эскадра, и на борту

своего корабля сыну царя будет и удобнее, и приятнее, чем в доме повелителя страны, где не сумели оберечь его от покушения. Император Муцухито уезжает несолоно хлебавши, но взяв с Николая обещание, когда тот поправится, приехать в Токио «в знак великодушного прощения»...

В японской столице готовятся к торжественной встрече, но вместо августейшего гостя неожиданно приходит телеграмма: цесаревич уезжает. Он торопится на свидание с отцом. И догадывайся, мол, сам, что там будет дальше? А если война?

И тогда – неслыханная вещь – император телеграфирует о своем желании вторично прибыть в Киото, чтобы на прощанье хотя бы позавтракать с цесаревичем. Предложение принимается. Но, когда император снова в Киото, оказывается, что наследник не может с ним встретиться! «Врачи запретили» ему сходить на берег. И Муцухито пьет чашу стыда до дна: он поднимается на борт флагманского крейсера «Память Азова», где веселый и отлично себя чувствующий цесаревич угощает черного от унижения микадо шампанским...

Но и такого удовлетворения ему оказалось мало. Отрицательное отношение к японцам Николай сохранил на всю жизнь. Микадо, полагаю, ко всем русским – тоже. Как и все его самурайство, ведь с точки зрения бусидо тот позор, что вынужден был испытать их сюзерен, им надлежит смывать только кровью. Русской, естественно.

Короче, если японцев мы побьем, царь может запросто по-

требовать подписать мир с ними именно на борту «Памяти Азова». Символизм он обожает. Но это так, лирическое отступление.

На Дальнем Востоке цесаревич впервые осознал, кто он такой и какая судьба ему предназначена. Смутные планы, неоформленные мечты о распространении «славы белого царя» куда-то в азиатскую глубь роятся в его голове. Обстоятельства складываются так, что все этим смутным планам содействует. Вместе с немцами и французами Россия заставляет японцев отказаться от части плодов своей победы над Китаем. Затем по одному слову России циньцы уступают ей целую область. «Это так хорошо, что даже не верится», – кладет Николай II резолюцию на докладе Дубасова о занятии Порт-Артура...

Коротко о роли Витте. Он больше, чем кто-либо другой, первое время подталкивает Николая II если не к самой войне, то в направлении ее. Ему это было удобно и выгодно. Сам «финансовый гений» поднялся на реформировании российских железных дорог. Транссиб – великое достижение Николая, его отца и Витте. Причем во всех смыслах. Начиная с того, что Россия получила важнейшую стратегическую коммуникационную линию не только к Приморью, но и к незамерзающему порту у ворот Пекина. И заканчивая личным гешефтом Сергея Юльевича, который на этом всем дорос до министра финансов. До чего, по ходу дела, доросли его персональные счета во французских и бельгийских банках, ис-

тория умалчивает. А без кредитного капитала Россия сама такой проект и в такие сроки не осилила бы. Хотя де-юре они и брались под другие цели, за дорогу платила казна.

Как известно, Великий сибирский путь строился рекордными темпами. Но когда Витте из кресла министра путей сообщения благополучно пересел в кресло министра финансов, перед ним оказался уже *весь* каравай. Занятый второстепенным – Дальним Востоком – царь не мешал ему и франко-еврейской банкирской клике распоряжаться главным – Россией. Но вскоре у всесильного министра финансов возникла проблема. В дальневосточных делах в частности и во влиянии на императора в общем появилась мощная противостоящая ему сила. И когда Витте спохватился, какую опасную «забаву» он поощрял, его песенка уже была спета: воодушевленный идеями князя Эспера Ухтомского Особый комитет по делам Дальнего Востока, созданный группировкой с монстрами «Священной дружины», вроде ряда дядюшек царя и графа Воронцова-Дашкова, за ширмой, и Безобразовым с Абазой и Вонлярлярским, на видимых главных ролях, вырос в страшную силу.

За кулисами этого шапито действует множество различных заинтересованных сил. И экономических, и политических. От лондонского Сити и нью-йоркской Уолл-стрит до польско-финских сепаратистов и Вильгельма II. Это он в 1902-м году поднимает в адрес царя флажный сигнал на фалах «Гогенцоллерна», бьющий без промаха в ту же

цель устремленного на Дальний Восток царского честолюбия: «Адмирал Атлантического океана приветствует адмирала Великого океана». И вот уже запущен маховик гонки вооружений. Мировые дельцы потирают руки от восторга – барыши от японских и русских заказов огромны! Электричество накапливается, нужен только толчок, чтобы его разрядить...

Так кто же он? Болтливый, ловкий, обаятельный. Безобразов. Этакий О. И. Бендер с кавалергардским налетом. Он развязно стучит папироской о крышку предложенной царем папиросницы, поблескивает белыми великолепными зубами, смотрит на царя весело, ясно, с почтительной наглостью. И картавым, самоуверенным голосом твердит: «Одной мимикой, без слов, мы завоюем Корею. Одной мимикой, ваше императорское величество!..»

Безобразова вводит к царю великий князь Александр Михайлович, «добрый Сандро», «милый Сандро», «очаровательный Сандро», муж любимой сестры Ксении, ближайший друг царя в первые годы царствования, а потом завистник и недруг. Зло царствования Николая II он видит в том, что «император дает слишком мало воли великим князьям», в первую голову подразумевая, конечно, себя любимого. Еще бы! Ведь он – друг! А барыши с заказов на все боевые корабли продолжают уходить в карман дяди Алексея, который и во флотских делах – ну, нуль совершенный! В отличие от него. Ведь он, Александр Михайлович, куда лучше представляет

себе, каким должен быть русский флот. И при этом предлагает строить для него броненосцы береговой обороны: тип корабля, который никогда и ни для чего России в ее реальной истории не пригодился. Если не считать авантюру с посылкой трех таких недомерков вокруг света до Цусимы. Кончилась авантюра закономерно и символично. Чудом не потонув по дороге – шторма приличного не случилось, бывает ведь, – два ББО сдались японцам. Но зато третий покрыл свое имя неувядаемой славой, погибнув в неравном бою, без шансов на успех. Правда, имя его было – «Адмирал Ушаков»...

С приведенными выше утверждениями Александра Михайловича можно сопоставить фразу верховного маршала коронации графа Палена из доклада его о Ходынке: «Катастрофы, подобные происшедшей, будут повторяться и впредь, пока ваше величество будет назначать на ответственные посты таких безответственных людей, как их высочества великие князья». Более ясно и точно обмолвился по этому поводу Витте: «Слава богу, не все великие князья Александры Михайловичи». Хотя Сергей Юльевич, скорее всего, просто банально ревновал к безнаказанному крысятничанью ВКАМа, в виде откатов за доброфлотовские пароходы, а позже – за «авиационные» контракты.

Николай, с ведома генерал-адмирала, подбрасывал косточки и Сандро. Захаров, Крамп – это его клиенты. В отличие от французских фирм. Тут контроль «распила» со стороны конкурирующей стороны – дяди Алексея – был тоталь-

ным... Да! Не удивляйся. Это именно Александру Михайловичу российский флот обязан нашим «Варягом». Кстати, в этом и секрет, почему по американским и английским проектам не строится серий. За проекты, идущие «в тираж», дороже платят. А следовательно, больше и откат...

Алексей Александрович давно пригрел «своего человека» – контр-адмирала Абазу. Этот кадр был его флаг-капитаном и адъютантом. Но сейчас сей субчик – кстати, двоюродный брат Безобразова – слуга двух господ, строящий планы на Морское министерство, на случай, если Александру Михайловичу все-таки удастся свалить генерал-адмирала и Авелана. Такой вот пример классической российской «труффальдинистости».

Когда Безобразов – «полупомешанный Саша», как его за глаза величали в сферах, – зря, кстати, авантюристом он был, конечно, но только не дураком, – явился из Женевы с готовым планом «лесных концессий» и начал искать ход к государю, он, естественно, обратился к своему двоюродному брату, с которым был в отличных отношениях и который занимает пост помощника начальника торгового мореплавания. Ведомство это было основано царем по настоянию того же Александра Михайловича, и начальником его на правах министра состоит он сам.

По большому счету, создано оно не столько из дальновидного расчета, сколько из ревности и зависти. Николай завидует кайзеру, лично, через его Морской кабинет, руляще-

му флотом и морской политикой. И в пику генерал-адмиралу: ревнивый Александр Михайлович, считающий себя куда большим знатоком флота и всего, что с ним связано, может «добрать» маржу в обход хозяйства дяди Алеши на заказе своим знакомцам в Англии и Америке судов и разной портовой техники.

Но случайное совпадение обстоятельств как нельзя лучше исполняет здесь роль рока. Пока Безобразов сочиняет за границей свой прожект, в России точно по заказу создается «кукольное» министерство, где он с его «корейской затеей» будет встречен и оценен самым благоприятным образом. И тут-то появится расчет. Еще бы! Ведь дело пахнет действительно БОЛЬШИМИ деньгами! Это не только одна Корея. Это выход на порты Пусан и Чемульпо. Это контроль Цусимского пролива. Это путь к морским транспортным оборотам невиданных для России масштабов...

Если сам Александр Михайлович под эффектной романовской внешностью скрывает довольно, хм... неопределенные нравственные черты, то его дружок контр-адмирал Алексей Михайлович Абаза просто-напросто прожженный темный интриган. Делец с бессарабскими корнями, готовый делать деньги где угодно и на чем угодно. Одна предложенная им афера с покупкой нескольких латиноамериканских крейсеров чего стоит! А сделка по покупке тех двух крейсеров, что мы на бордаж у Йокосуки взяли? Ведь их-то макаронники искренне рассчитывали продать именно России!

Развалилась она потому, что за комиссию этот субъект потребовал миллион рубликов золотом. Надо полагать, что не себе любимому только, но и «хозяину».

Итальянцы прифигели и... продали кораблики самураям! Рождественский же потом, прикрывая «патрона», взял удар на себя, заявив что «гарибальдийцы» не подходят нашему флоту по типу. Но эту историю ты не хуже меня знаешь. В рассматриваемом же нами случае Безобразов, придумавший «лесную концессию», как многоцелевую политико-экономическую многоходовку, оказался полностью в руках Абазы. А этот деятель не думал о перспективах, он постарался свернуть ее к банальной финансовой афере с очередным прожором царевых денег. Увы, до Николая и его дядюшек в нашем мире это дошло слишком поздно. Не понимают они этого здесь и сейчас.

Так что, на мой взгляд, именно этого одиозного персонажа тебе в Питере нужно больше всего опасаться. Он умен и реально опасен. А я тебе отсюда ничем больше не помогу, к сожалению. Но есть в Питере человек, который Абазу терпеть не может. На уровне рефлексов. Чувства сии у него остались к этой фамилии, благодаря взаимоотношениям с дядюшкой Алексея Михайловича. Зовут его Константин Петрович Победоносцев.

Абаза знал, что делает, уговаривая великого князя поддержать безобразовский прожект и лично горячо приветствуя его. Александр Михайлович, благосклонно выслушав

пояснения Безобразова, сам берет его докладную записку и отправляется к царю. Спустя несколько дней Николай дает Безобразову аудиенцию. Многое, если не все, зависит от того, какое впечатление произведет на монарха отставной кавалергардский ротмистр. Если отрицательное, кто знает, может быть, самодержец послушает не Безобразова, Абазу и поначалу примкнувшего к ним адмирала Алексеева, а уговаривающих его оставить Японию в покое Ламсдорфа и Витте. Их цель на первый взгляд куда серьезнее – весь Китай. А не разборки с Японией и стоящими за ее спиной англичанами и американцами из-за Кореи и куска Маньчжурии.

Только того, что контроль над Кореей дает России контроль над одним из побережий Корейского пролива, Витте со товарищи не видят в упор! И тут нам придется с некоторым изумлением признать, что тупой, полубандитский по форме и плану раздела барышей проект Безобразова и К^о в действительности куда больше отвечает долгосрочным геополитическим интересам Российской империи, нежели незамерзающий порт Дальний на Ляодуне.

«Назамерзаемость» нашего Владивостока вполне гарантируется ценой постройки двух-трех ледоколов по типу «Ермака», а всего в семидесяти милях от него незамерзающая глубоководная бухта Врангеля, где сам Бог велел строить порт, особенно учитывая лежащие рядом угольные копи. Но не хотят видеть этого наши «профранцузы» и их заграничные партнеры. Для которых Дальний – это еще и прекрасный

перевалочный пункт для ввоза, как в северный Китай, так и на наш Дальний Восток, французских товаров. На французских судах. От Сайгона до Дальнего приличному трампу одна бункеровка.

Но то, что Корейский пролив – это ворота на дороге России к южным морям, Китаю, Японии, Филиппинам, Индийскому океану, хорошо видят в Лондоне и Вашингтоне. Отсюда и их ответная реакция: договор с англичанами, фактически благословивший японцев на войну, и политическо-финансовая поддержка со стороны САСШ. Их цели на ближайшую перспективу совпали: Япония на Дальнем Востоке становится для англосаксов антироссийским буферным государством, таким же, как Турция на Ближнем Востоке.

Это пробки, затыкающие русским возможность ведения нормальной морской торговли, которая без поддержки военным флотом априори неконкурентоспособна. При этом для турок жизненно важно удержать Босфор: его захват русскими равен переносу столицы. А аннексия Кореи важна для Японии, как естественный путь к экономической стабильности в живущем по колониальным законам мире, и торная дорога в Китай для последующих захватов и грабежей.

Нерешенность вопроса «кто в доме хозяин» с этими двумя государствами-пробками была, есть и будет оковами на наших руках и ногах.

Поэтому идея Желтороссии – занятие Северной Маньчжурии, а затем и Кореи – сама по себе вовсе не столь аван-

туристична, как некоторыми представляется. И трудолюбивые руки там должны были быть не только корейско-маньчжурскими, но и нашими. Русскими, украинскими, белорусскими. Причина трудностей России в колонизации Дальнего Востока заключалась в том, что, в отличие от Маньчжурии, там мало пригодной для крестьян земли. Там густая тайга, задернелая почва, суровый климат. Где уж тут найти место для поселения миллионов? Тем не менее русские власти смогли довести численность населения Приамурья и Приморья с трёхсот пятидесяти тысяч в 1897 году до шестисот в 1904-м. И процесс переселения продолжается. Учитывая невыгодные климатические и географические условия края, это представляется огромным достижением.

В Северной Маньчжурии таких проблем нет. Китаем правит маньчжурская династия, и хотя ее правительство разрешило миграцию китайцев в Маньчжурию, случилось это только в 1873 году. Поэтому пока там живет не больше полутора миллионов человек. При этом тут и климат умеренный, и почва плодородная (о вечной мерзлоте и не слыхивали), и свободных от тайги земель в достатке, особенно в долине Сунгари. Поэтому люди в Желтороссию едут охотно. Один Харбин со стотысячным русским населением чего стоит...

Осознавал ли самодержец важность Кореи и Маньчжурии для России изначально, либо ему помогли советчики, не знаю. Но в итоге Безобразов произвел на государя самое лучшее впечатление. В мае 1903-го он назначен на долж-

ность статс-секретаря созданного Особого комитета по делам Дальнего Востока. Отныне Абаза, у которого он под колпаком, фактически определяет направление российской дальневосточной политики. С его подачи начальник Квантунской области адмирал Алексеев становится заместителем на Дальнем Востоке и напрямую подчиняется императору, а не правительству.

В опалу попали главные противники проникновения России в Северную Корею. Витте в ходе дворцовых интриг удален с поста министра финансов и перестал играть какую-либо существенную роль в правительстве. Он назначен председателем кабинета министров. Новая должность смотрится декоративной, поскольку Витте уже не управляет финансами империи. Не удивительно, что наш мстительный Юлич с того времени возненавидел Николая всеми фибрами. Поддерживавший его министр иностранных дел граф Ламсдорф в кресле удержался, хотя его положение при дворе пошатнулось. От отчаяния Витте даже замыслил составить заговор с целью убийства Николая II. И его отчасти можно понять: сколько проектов и обязательств рухнули разом!

Возникает вопрос: почему царь рубанул с плеча, а не воспользовался сложившейся ситуацией, дабы, пользуясь системой сдержек и противовесов, привести сцепившихся безобразовцев и франк-банкиров к неустойчивому равновесию, чтобы играть на их грызне и стричь с этого купоны? Поче-

му сам подталкивал дело к войне? Ответ несколько неожиданный: не потому, что не видел выгод от этой игры, а потому, что боялся! Нет, не японцев, конечно. Не англичан, не французов и не немцев, которые в самом худшем случае, как ему казалось, смогут лишь открыть какой-нибудь лоскуток от его бескрайней империи. Он боялся за себя, за семью, за трон. И дело тут не только в разных предсказаниях и мистических откровениях.

Он инстинктивно чувствовал: самое главное – избежать внутреннего бунта. А как это сделать, если страна живет в кредит и фактически уже одним этим теряет свой суверенитет? И что с этим делать, если и доморощенным банкирам и капиталистам плевать на то, как живут в этой стране фабричные рабочие, что уж тогда говорить про французских ростовщиков? Если крестьянство «законсервировано» в общинной чересполосице, рубящей на корню надежды на интенсификацию сельхоза, и уже с весны 1902-го грабежи помещичьих усадеб исчисляются сотнями? Если система управления государством не имеет обратных связей и потому идет вразнос? Если «пятая колонна» в лице разномастных борцов за права и нацсвободы исправно и масштабно финансируется не только из Лондона и Парижа, но и доморощенными купцами-староверами до кучи?

Плюс, будто по заказу, подоспел еврейский вопрос, обострившийся из-за погромов и вылившийся в «объявление войны Романовым» со стороны крупных американских банки-

ров-иудеев во главе с самими Ротшильдами.

Евреи... Да, конечно, они взвинтили цены на хлеб и продукты. И на кредит. А что еще будет делать перекупщик и ростовщик, если в стране неурожай и бардак? Пенять ему на это – пытаться лечить симптомы, но не саму болезнь.

Не имея эффективного рабочего и антимонопольного законодательства, не обложив налогом наследства, не решив вопросов интенсификации сельхоза, империя закономерно оказалась на пороге социальных потрясений. Чего, как оказалось (удивительно, да?), ни сам самодержец, ни его окружение не хотели. Только решать все вышеперечисленные проблемы не торопились, поскольку тогда пришлось бы «прижимать» помещиков, промышленников и банкиров. А этим деятелям делиться не хотелось. Могли и прибить реформатора.

В поисках выхода кое-кто в царском окружении решил, что «маленькая победоносная война» с Токио не только откроет нам торговые ворота на Востоке, поправив экономическую ситуацию, но и будет способствовать ослаблению внутреннего кризиса: шовинистическая волна захлестнет разномастное революционное движение. Это, как я понимаю, и есть одна из главных причин, почему на вершине власти в Российской империи образовалась собственная «партия войны с Японией» или так называемая «безобразовская шайка».

Цинично рассуждая, надежды эти были не беспочвен-

ны. Но, само собой, при двух вышеназванных условиях. Если война будет маленькой (по времени и жертвам) и, главное, победоносной. Переоценивая собственные силы и пренебрежительно относясь к «азиатам», безобразовцы требовали «твердой» политики. Они считали, что империя на далеких Японских островах на войну сама не пойдет, а лишь попытается побольше выторговать для себя в ходе неизбежных дипломатических раундов. И самого Николая не особо смущало то, что военная готовность России на Дальнем Востоке значительно отставала от помыслов сторонников нового курса во внешней политике.

Кстати, их непримиримые друзья, «Витте и К^о», во многом поспособствовали такому положению дел. Особо отметим роль военного министра, а сейчас командующего нашими войсками в Маньчжурии, генерала Куропаткина. Заметь, он за несколько лет на своем посту очень тесно сошелся с Витте. С министром финансов! Прикинь, чем должна закончиться дружба министра финансов и военного министра, если довести ситуацию до абсурда? По-видимому, тем, что все российское войско будет состоять из одного военнослужащего, но с весьма солидным денежным содержанием. То есть из самого министра. Шутка, конечно, но...

Такой вот кадр. Поэтому убрать из Маньчжурии Куропаткина – моя идея фикс. Хоть в лепешку разбейся, дорогой, но решать ее тебе придется. Или, смотри, буду решать сам. Угадай с трех раз – как? Поэтому не доводи до греха, блин...

Как все происходило технически. В 1898 году группа лиц из ближайшего окружения Николая II образовала акционерное общество для эксплуатации естественных богатств Кореи и Маньчжурии. Они использовали свои высокие связи при дворе для получения из Госбанка безвозвратных ссуд под изыскательские работы, содание и охрану там предприятий. В состав «безобразовской клики» кроме самого Безобразова входили князя Юсупов, Щербатов, Воронцов-Дашков, фон Плеве, контр-адмирал Абаза, ставший управделами общества, обер-егермейстер Балашов, крупный помещик Родзянко и, конечно, великий князь Александр Михайлович.

Считая слишком затратными и ненадежными методы экономического «завоевания» Китая, они проповедовали прямой военный захват всей Маньчжурии. И убеждали государя не выводить из нее армию, вопреки уже заключенному с Китаем соглашению. Более того, не довольствуясь только Маньчжурией, они предлагали аннексировать и всю Корею. Целиком. «Безобразовская клика» во многом способствовала тому, что в российских правительственных кругах все большее распространение получала идея присоединения к России де-юре северной части Маньчжурии по аналогии со среднеазиатскими территориями. Название этих земель – Желтороссия – впервые было предложено князем Воронцовым-Дашковым.

Безобразовское акционерное общество приобрело в Корее частную лесную концессию. Ее территория, охватывая бассейны рек Ялу и Тумыни, протянулась на 800 километров вдоль китайско-корейской границы от Корейского залива до Японского моря. Фактически она занимала всю приграничную зону. Так Желтороссия в закамуфлированном виде появилась на географической карте Дальнего Востока. Формально концессия была приобретена частным акционерным обществом, но царское правительство под видом лесной стражи ввело туда войска – «стражу». Повод был: из 400 паев 170 принадлежали императору лично. Стража эта состояла почти из полутора тысяч «уволенных в запас» сибирских стрелков, которые заменили первоначально нанятых для этой цели несколько сотен китайцев.

Резонный вопрос: зачем понадобилось хозяину земли русской, у которого и так все его, по определению, влезать в какие-то там концессионные паи? Ответ на него очевиден – дело это было более политическим, нежели голым предпринимательством. Это был повод, провокация, если хочешь. А по сути, наша буферная зона, отделяющая Маньчжурию от Кореи. Опираясь на нее, можно было или спокойно наблюдать за возможной высадкой в Корею японских войск, или самим подготовиться к проведению ее аннексии.

В концессии на реке Ялу, конечно, при объективном рассмотрении, трудно найти нечто экономически предосудительное. Идея с точки зрения бизнеса была здоровой и разум-

ной. Открываемые концессии для эксплуатации возможности – сказочные. Даже для богатой лесом России. Одни лишь запасы в миллиард кубометров ценной древесины в долинах пограничных рек Туманган, Ялу и на острове Уллындо, вкуче с удобными транспортными коммуникациями и близостью развивающихся рынков, объективно сулили русскому капиталу полноценное и прочное закрепление в регионе.

Стоимостная оценка концессионных активов раза в три выше капзатрат, понесенных Россией на сооружение КВЖД и ЮМЖД. Но для освоения всего этого богатства требовалось жесткое политическое, а следовательно военное закрепление России в регионе.

Однако у Витте были иные виды на инвестиции. И он начал активно противостоять «безобразовским» планам. И вместо логичного поиска новых источников финансирования северокорейского направления российской экспансии предложил урезать уже существующие статьи расходов. В первую очередь – оборонные. К тому моменту уже серьезно зависимые от Витте Куропаткин с Алексеем Александровичем его поддержали...

Масла в огонь подлила и долбаная, так называемая русская общественность. Газеты, ангажированные Витте и его сторонниками, зашумели о безумной аванюре. В обществе стали говорить: «Швыряют миллионами, чтобы великим князьям можно было наживаться на лесных концессиях на Ялу». Давление на правительство было произведено такое

организованное и всестороннее, что... по настоянию Витте средства на постройку Порт-Артурской крепости были значительно урезаны! «Своими» расходами, в частности, на инфраструктуру Дальнего, он поступиться не захотел. Или не смог. Конфиденциальные обязательства-с...

Между тем правительство медлило с выводом армейских сил из Маньчжурии, хотя сроки, установленные договором от 8 апреля 1902 года, миновали. Это вызывало понятную настороженность у Пекина и плохо сдерживаемую ярость в Токио. Но в Зимнем продолжали придерживаться мнения, что «макаки не посмеют». И к декабрю 1903 года переговоры с Японией достигают предельного напряжения. Посланник Курино буквально умоляет министра иностранных дел ускорить ответ на его ноты, которые неделями остаются без ответа. Увы, Ламсдорф бессилен: дипломатическая переписка с Японией изъята из его ведения. Ее на свой страх и риск ведет Особый комитет. Курино добивается личной встречи с царем, но Николай II для японского посланника неизменно «занят».

На новогоднем приеме для дипломатического корпуса царь произносит речь, в которой недвусмысленно напоминает про мощь России и советует не искушать ее миролюбия. И так продолжается до японской ноты, а фактически ультиматума от 13 января. И вот примерно в это время происходит интересный момент. Наместник адмирал Алексеев начинает понимать, что его подставляют под удар! Что вместо про-

должения дипломатической дуэли, возможно даже со сдачей определенных позиций, временной, пока не завершена концентрация морских и сухопутных сил на театре, в Питере решились идти на войну прямо сейчас. Только дабы не возмущать мирового сообщества, дать японцам ударить первыми!

И после 14 января выключили из дипломатической игры как его, так и... Ламсдорфа, МИД! Вся полнота дипсношений с Японией неожиданно передана царем «особому комитету» – Абазе. В результате его «усилий» российский ответ на ультиматум японцев, подготовленный в МИДе еще 15 января, был подписан царем только 20-го, а японцам официально передан 22-го! Хотя уже 16-го текст русского ответа был известен в Лондоне и Вашингтоне, как и его подтекст: соглашаться со всем и тянуть время для скрытой мобилизации и усиления флота – отряд Вирениуса через несколько недель будет в Артуре...

Что лучше могло спровоцировать японцев на немедленное нападение?

Алексеев хорошо знал состояние наших морских сил на Дальнем Востоке, да и армии тоже. И знал, сколь высока готовность противника. Он отдавал себе отчет, что с приходом в Японию «Ниссина» и «Кассуги» шансов на отсрочку уже не будет. Остается один шанс на успешное начало кампании – превентивный удар. Просчитался Евгений Александрович в одном. Он полагал, что до того как эти корабли войдут в Йокосуку, японцы не начнут. В Токио, однако, рассу-

дили иначе: атаковать тогда, когда появится уверенность в безопасном завершении их перехода. И уверенность появилась с прохождением крейсерами Сингапура. Вирениус в это время был еще в Джибути и шансов на перехват не имел никаких...

Пытаясь «выбить» право атаковать первым, наместник завалил Питер телеграммами, но там оставались глухи ко всем его просьбам и требованиям. По факту же того, что случилось в Порт-Артуре 27 января, Абаза и его подельники постарались «сдать» Алексеева, выставив козлом отпущения. Последствием этого стала, в частности, самостоятельность Куропаткина. С тех пор два адмирала стали «лютыми» друзьями.

А что же японцы? Неужели это именно коварные русские их спровоцировали? С ними ситуация еще интереснее. Если ты думаешь, что для них первоначально целью войны была только Корея, то ты глубоко заблуждаешься. В октябре 1900 года, в рамках подавления восстания ихэтуаней в Китае силами коалиции из восьми держав (Японии, России, Англии, Франции, США, Германии, Австро-Венгрии и Италии), русские войска оккупировали Маньчжурию. Путь японской имперской экспансии в Китай был перекрыт. Вскоре в Токио пал сравнительно умеренный кабинет министров Ито Хиробуми, и к власти пришел кабинет Кацура Таро, настроенный предельно конфронтационно в отношении России.

17 января 1902 года был подписан Англо-японский мор-

ской договор, статья III которого в случае войны одного из союзников с двумя и более державами обязывала другую сторону оказать ему военную помощь. Договор давал Японии возможность начать борьбу с Россией, обладая уверенностью, что ни одна держава, например Франция, с которой Россия с 1891 года состояла в союзе, не окажет России вооружённой поддержки из опасения войны уже не с одной Японией, но и с Англией.

Вскоре была опубликована франко-русская декларация, явившаяся дипломатическим ответом англо-японскому союзу: в случае враждебных действий третьих держав или беспорядков в Китае Россия и Франция оставляли за собой право принять все соответствующие меры. Но она имела малообязывающий характер – существенной помощи на Дальнем Востоке Франция своей союзнице России оказывать не желала. И это был очень серьёзный звоночек.

И в итоге Россия «попятилась». В конце марта 1902 года было подписано русско-китайское соглашение, по которому Россия обязывалась в течение 18 месяцев (то есть к октябрю 1903 года) вывести войска из Маньчжурии. Вывод должен был быть осуществлён в три этапа по 6 месяцев каждый. В апреле 1903 года российское правительство не выполнило второй этап вывода войск, осознав, что агрессивная политика нового правительства Японии нацелена уже не только на Корею. В ответ Англия, США и Япония заявили России протест против нарушения сроков вывода российских войск.

Затем, в августе 1903 года, японское правительство представило российскому проект двустороннего договора, предусматривавшего признание «преобладающих интересов Японии в Корее и специальных интересов России в железнодорожных – только железнодорожных (!) предприятиях в Маньчжурии». Очевидно, что для японцев именно маньчжурский пункт был главным, не корейский. Токийская «партия войны», и прежде всего ее фанатичный сторонник, посол Японии в Лондоне Гаяси, все время переговоров распространял информацию о том, что война – дело уже решенное, и ему удалось фактически нейтрализовать посреднические усилия Франции для разрешения этого конфликта.

Еще через два месяца Японии был направлен ответный проект, предусматривавший, с оговорками, признание Россией преобладающих интересов Японии в Корее, в обмен на признание Японией Маньчжурии лежащей вне сферы её интересов. Японское правительство такой вариант категорически не устраивал. Дальнейшие переговоры существенных изменений в позиции сторон не внесли, хотя Николай II постепенно и шел на дальнейшие уступки по Корее, и даже на частичные по Маньчжурии.

Однако, ввиду победы в Японии «партии войны», он не решился пойти на полный вывод войск из Маньчжурии, поскольку это очевидно давало японцам все возможные военные преимущества. Между тем 8 октября 1903 года истёк срок, установленный апрельским соглашением 1902 года для

вывода всех российских войск из Маньчжурии. Одновременно Токио начал протестовать и против российских мероприятий в Корее. На самом деле Япония лишь искала повод для начала военных действий в удобный для себя момент. 13 января 1904 года Токио ультимативно потребовал безоговорочного признания Россией всех своих требований. Теперь действительно запахло жареным.

И... случилось неслыханное! Петербург дипломатически капитулировал.

16 января американский посланник в русской столице телеграфирует в Вашингтон: «РУССКИЕ УСТУПАЮТ ЯПОНИИ ВО ВСЕМ!»

20 января ответ на японскую ноту был утвержден царем и 21-го отправлен телеграфом в Токио и Порт-Артур, Алексееву, о чем утром 22-го японский посланник в Санкт-Петербурге был официально поставлен в известность.

Итогом полученного в Токио русского согласия на предъявленные требования стало... решение о немедленном начале войны против России. Его приняли на совместном заседании членов Тайного совета при императоре и всех министров Японии 22 января. В тот же день, упреждая публикацию русского ответа в прессе, Комура, министр иностранных дел Японии, предписал «прекратить бессодержательные переговоры», а все дипломатические сношения с Россией прервать. В ночь на 23 января было отдано распоряжение о высадке в Корее, атаке русской эскадры в Порт-Артуре и

стационаров в Чемульпо без объявления войны. Что и было сделано японским флотом и армией 27 января. Война была объявлена на сутки позже.

Глава 2

Ели, пили, веселились.

Протрезвели – прослезились...

*Владивосток, вечер 26 – ночь 27 февраля
1904 года*

В номере гостиницы Балка встретил мертвецки трезвый Руднев, который предложил ему выпить *чаю*. Такого от своего Карпышева, в трезвенничестве пока не замеченного, Балк не ожидал. И от удивления согласился.

– Василий, а не зря мы это вообще затеяли?

– Что именно, Федорыч?

– Да ладно, лучше Петрович, привычнее... Зачем влезли в эту войну? Неужели мы втроем всерьез думаем изменить курс всей империи? Все равно что трем мухам пытаться изменить курс крейсера! Как ни бейся, а такая махина раздавит тебя и даже не вздрогнет.

– Наконец-то ты мне доказал, что ты на самом деле настоящий русский интеллигент. При первой же неудаче начал рефлексировать и готов сбежать. Угу... Еще про слезу ребенка мне расскажи и про всеобщую предопределенность не забудь.

– Да причем тут это, бляха муха! Ты посмотри, что вышло

– ведь весь город, и наши, и армейцы, несколько дней рвали жилы, чтобы успеть. Мы реально могли выиграть эту хреновую войну для России вот тут, у Владика! Сегодня! Ты понимаешь, что восемь подрывов – это минимум четыре-пять поврежденных кораблей линии, сиречь линкоров? Дотянуть отсюда подорванный миной корабль до Японии – ненаучная фантастика! Пусть потонули бы всего три, все одно Того бы остался с восемью линкорами в колонне против русских десяти, и это без «гарибальдийцев», которые будут боеспособны через два-три месяца. Он просто не рискнул бы высаживать войска на Квантуне вообще! Япония приняла бы любое разумное предложение мира сразу, сейчас... А теперь что? И все это из-за одного идиота в погонах поручика, который лишний раз не проверил контакты перед тем, как их замкнуть! А сколько их таких в нынешней России? Ну, пусть не большинство, но для нас троих все равно слишком много...

– Добро пожаловать в реальную жизнь, мой дорогой. Это в играх и детских книгах герою достаточно придумать гениальный план. А в реальной жизни девяносто процентов работы – это проследить за тем, чтобы такие вот поручики его не запороли. И сэйвов тут нет... Кстати, с этим конкретным идиотом проблем больше не будет.

– Угу. Минус один. Осталось всего-то полста тысяч, обрадовал! Что с ними-то делать? И как, кстати, ты его замочил?

– Никак. Я ему сделал предложение, от которого он не

сможет отказаться – или он в двадцать четыре часа покидает Владивосток, или я его вызываю на дуэль.

– А с чего ты взял, что он должен тебя испугаться? Это на «Варяге» ты авторитет, а во Владивостоке пока нет.

– Обижаешь, Петрович. Думаю, что уже да.

– Ну и...?

– Я тут сегодня в «Ласточке» после обеда с тремя кавалерийскими офицерами поспорил немножко. На тему, кто лучше фехтует и стреляет... Наверное, я больше про абордаж ничего никому рассказывать не буду. Нездоровый ажиотаж вызывает...

– Молодец! Как от тел избавился, надежно?

– Слушай, ты мне с чаем совсем не нравишься, может, чего посерьезнее все-таки, а? Все живы. И более или менее здоровы. Пара синяков не в счет – мы фехтовали на бокенах, спасибо Секари, этого добра у меня теперь достаточно.

– А стрелялись вы из рогаток, да?

– Да нет, из револьверов. Они втроем по одной мишени, я один по трем. А судьи потом определяли, кто попал первым. Учитывая то, что я стрелял в прыжке, переходящем в перекат, и попадал всегда ближе к центру мишени, да и на глаз быстрее, победителем признали меня. С фехтованием: там еще очевиднее я остался стоять, они нет. Так что счет в кабаке оплатить пришлось им, как проигравшим. А по поводу «выгонять со службы» – я к его начальству тоже заглянул. Они готовы перевести его в теплое местечко. В Туркестан.

Только ума не приложу, на кой ляд там сейчас минеры? Но они не против, даже очень за... Ладно, это все весело, только как мы теперь дальше воевать-то будем? А, АдмиралЪ?

– Поиздевайся мне еще... – Петрович в задумчивости скрипнул костяшками сцепленных пальцев – Теперь? А теперь, уважаемый Василий Александрович, коли воевать, так всерьез. Придется и нам здесь, во Владике, изрядно попотеть, да и Вадиму в Питере необходимо нам поспособствовать. План «А» не сработал из-за одного кретина и моей собственной глупости. Следовательно, переходим к плану «Б». Благо в море еще было время прикинуть что к чему.

– Подожди. А где именно я твою глупость-то проглядел?

– Во-первых, мне нужно было сразу, с ходу ломать через коленку местную классическую межведомственную общенность. Просто поручить всю эту операцию с минным полем флотским. А во-вторых, нечего было морочить людям голову с инженерным заграждением. Поставили бы обычные гальвано-ударные мины, без проводов. Кто коснулся – я не виноват. А после войны бы вытралили, ничего страшного не произошло бы. Нет, захотелось, чтобы мы могли ходить, а они нет. Довыпендривался. Заслужил, в общем, орден «Восходящего солнца» от микадо. И главное – пенять не на кого, кроме собственной дури...

– Ну, будет тебе уроком на будущее – всегда предпочитай простые решения красивым. Что теперь-то творить намерен?

– Как ты уже верно подметил, исходить будем из того, что все окончательно поехало вкривь и вкось. И известные нам эпизоды могут или не состояться вовсе, или закончиться совсем другим результатом, по сравнению с тем, что было у нас. А значит, нужно готовиться к самому паршивому варианту развития событий.

– Только знать бы наперед, какой он будет, этот самый паршивый.

– Ну да. Знать бы прикуп... Но одно уже ясно: неприятности поодиночке не ходят. Вон газетенка английская лежит. Взгляни-ка на досуге. Я прикидывал, что мы гакнули японцам Чемульпо недельки на две-три. Что у Того другого выхода не останется, как вываливать большую часть армии Куроки в Фусане, а оттуда до Ялу им еще пердячим паром топать и топать... Шас-с-с! Того взял и не купился. Не стали они весь фарватер в поисках мин шкрябать! Пошарили во-круг «Сунгари», подарки наши нашли и уже через четверо суток полным ходом повели разгрузку войск. И наша деза, что «Варяг» утоп, им в этом помогла: некого бояться стало. Мало того! Чтобы график нагнать, они даже военные корабли для переброски войск задействовали. Вспомогательные крейсера точно, а возможно и бронепалубники. Так что Того тоже по ситуации действовать умеет.

Но привлечение флота к десантированию говорит вот о чем: грузовой тоннаж у них ограничен, срок десантирования сорван. Пусть на неделю всего, но сорван. Значит, русские

на севере имеют эту неделю форы. Значит, могут подтянуть к Ялу больше войск. Значит, нужно больше сил дать Куроки! Вот почему они флот задействовали, Вася! Так что все, что мы у них утопили, это все они взяли из формируемой сейчас армии Оку. И компенсировали потери Куроки. Даже с лихвой. Отсюда – неприятный вывод. На суше может случиться так, что японцы скоро вломят армейцам в Корее и Маньчжурии так же, если не круче, как в нашей Русско-японской было. Со всеми вытекающими. Вот потому мне сейчас «вино не льется в горло и икра не лезет в рот»...

– Отставить ныть. То, что самураи не дураки, я и так знаю. И командование у них грамотное, оперативно отреагировало на меняющуюся обстановку. Это нормально! Так и должно было быть. И все. Слушай, хорош страдать. Или, может, за разжигание паникерских настроений тебя сразу... по закону военного времени? Не желаешь сначала грамм сто для храбрости перед расстрельной командой? Коньяк-то есть?

– Есть. Вон там... Да, левая дверца! Замок не ломай, медвежатник.

– А ты не зудь, господин контр-адмирал... Э-эх, контра ты недобитая. Нога-то как?

– Прихватывает иногда.

– Давай... За здоровье!

– Что? Вот так вот резко, по полстакана?

– Так... Полегчало? Теперь выдохни. И докладывай, что намерен делать. Завтра, здесь, во Владике. Или кто у нас тут

отрядом крейсеров командует? Пушкин?

– Слезить бы на форум, посоветоваться...

– Все, Петрович. Халява не катит.

– Ясно лошадь, раз рога. Поэтому сдается мне, главное, что мы обсуждать со Степаном Осиповичем и заместником Алексеевым будем, это именно предстоящие нам крейсерские операции. Ты в курсе, что заместитель задумал выездное совещалово в Мукдене? Он и Дядя Степа желают меня лицезреть лично. Правда, заместитель, а скорее его штаб, не определись пока точно, когда...

– Или Макарову не до того. У него сейчас в Артуре дел мало, только с начальством и с тобой часы сверять. Три подорванных корабля, недоученные команды да бардак на берегу.

– Вася, если Алексеев хочет собрать великий народный хурал, значит резоны у него имеются. Хорошо хоть поджентльменски не заставляет меня катить до самого Артура. Но, наверное, все проще: в Мукдене наши арийцы маньчжурские окопались. Возможно, он хочет всех иметь под рукой. Макаров тоже дня на три вполне выскочить может. В Артуре он уже разобрался, что к чему. От брандеров они отбились, «Ретвизан» в гавани. Только мы Ками встретили несколько иначе, чем наши предшественники в реале. В итоге и городу, и отряду японцы всыпали побольше, а «вундервафля» с управляемым минным полем, увы, потерпела фиаско полное. Слава богу, что Макаров сие сравнение провести

не может.

– Перестань менжеваться. Я думаю, что начальство больше интересуется подробностями нашей одиссеи от Чемульпо во Владик через Йокосуку из первых рук. И его понять вообще-то можно. Не зря же Макаров тебя к себе на randevу требовал, еще когда Харбин проезжал.

– Ну, это логично, в общем. Кроме того, здесь сейчас не отряд уже, а считай эскадра. И задачи нам нарезать собираются, как эскадре. А для этого понять и прочувствовать, что тут у нас происходит, хотят. Собственно, я только за, хотя и трушу немножко, если честно. Тем более что один приказ Макарова уже не выполнил, да и Камимуру-то упустил по своей вине. И назначен сюда, кстати, отнюдь не по его распоряжению...

– Петрович, это-то как раз фигня. Не согласился бы Осипыч с твоим назначением, черта лысого остался бы ты при флаге. Сам говорил, что, уезжая сюда, он в Царском Селе получил право назначать младших флагманов и командиров по своему усмотрению. Или забыл уже?

– Пожалуй, опять ты прав... Кстати, Василий, ты все, что я говорю, запоминаешь?

– А то! – прищурился Балк. – Все, вами сказанное, может быть использовано против вас.

– Блии-ин... Вот же угораздило... Ты – чудовище!

– Спасибо, я знаю. Но поскольку спасти мир нам предстоит вдвоем, вноси свою лепту. Колись, давай: что-нить ведь

придумал уже?

– Ты что, Вадика на нуль помножил? Зря. В Питере он зацепился. Вопросы решает. И что-то мне подсказывает, что вряд ли этот проныра долго будет лишь передаточным звеном. А нам тут, пока суд да дело, придется из «рюриковичей» варганить нормальные крейсера эскадренного боя, они по техзаданию рейдеры, но сейчас бортовой залп окажется полезнее дальности. Да и «Варяга» с «Богатырем» можно оттюнинговать. Я намедни чертежи «России» с «Громобоем» немного изнасиловал, подогнал к виду, к которому пароходы эти в нашей истории привели к окончанию Русско-японской войны. Ну, с учетом нынешних реалий, естественно. И сам «Рюрик» тоже не забыл. Глянешь?

После утвердительного кивка Балка Руднев смел со стола все лишнее и зашуршал чертежами, пестревшими карандашными пометками...

– Молодца... Когда только успел? Но как же с перегрузкой быть? Ты уверен, что со всей этой фигней корабль вообще от стенки отойдет, а не потонет, как чугунная чушка? На «Варяг» всунул две восьмидюймовки, на нос и на корму. Кстати, где ты их вообще возьмешь?..

Следующие полчаса они долго и нудно препирались о расположении дополнительных орудий, навеске брони в оконечностях, а уж спор о том, сколько орудий противоминного калибра можно выкинуть без риска остаться голыми перед миноносцами противника, вообще чуть не перешел на лично-

сти. Однако на высшей ноте обсуждения Балк вдруг прервал очередную эскападу Руднева.

– Петрович. Ты опус про питерские «сферы», что я тебе два дня назад дал, прочел?

– Само собой.

– Ну и? Замечания, дополнения? Надо срочно студенту инфу переправлять...

– Да какие нафиг дополнения? Я и половины не знал! Вася, если честно – ты монстр! Верить, от *тебя* такой лекции не ожидал. И даже по твоему примеру решил Вадику и Николаю, конечно, изложить все то, что я о перспективах дальнейшей морской войны думаю.

– Не ожидал он. Вы подлизываетесь или хамите, господин контр-адмирал? Побереги карандаши, все равно не попадешь... Кстати, Петрович, перечитай на досуге дуэльный кодекс. Ибо такие вот «карандашики» в башку собеседнику – не что иное, как оскорбление действием. Третья степень. Значит, право выбора оружия – за оскорбленным. Круглые глаза не делаем, господин контр-адмирал. Просто на ус мотаем, чтоб с кем другим тут так не почудить. Ясно?

– Перспективы решил изложить? Перспективы – это хорошо... Но не возражаешь, если я твой «план бэ» почитаю, до того, как ты в Питер его отошлешь?

– Читать пока нечего. Только в поминальнике сей планчик пока. Но ты и на словах общие идеи ухватишь. Сегодня перетрем или с утра, на свежую голову?

– Пока вроде соображаем. Излагай, давай.

– Значиц-ца, так... Сначала мы, Василий, должны определиться с подкреплениями. И не надо такие большие глаза на меня делать. Понимаю: собираешься ткнуть меня в суворовское «воюют не числом, а умением». Угу... К тебе конкретно – вопросов нет. А вот *наше* умение ты сам видел, когда Ками неошипанным уходил. И у Макарова, в Артуре, пока немногим лучше. Спасибо вооруженному резерву. По умению японцы сейчас выше нас на голову, если брать в среднем по госпиталю. Мастерство прямо пропорционально количеству повторений. А флот, благодаря экономии по Витте и Коковцову, не только без нормальной рембазы в Артуре. Эскадра и строй-то нормально держать не может...

– Что там у них с починкой, кстати?

– На старый док нового батопорта чтоб броненосцы влезали, так и не сделали, хотя на эту тему только я лично три рапорта заместнику подавал! А новый большой док начали копать. Три месяца назад... Так что только городить кессоны. Но это все цветочки. У флота уже несколько лет банально не хватает денег на нормальную боевую подготовку.

– Стоп. Какие *три* рапорта, Петрович? Когда?

– Как какие? А! Ну да. Я... Мы то есть... Немного каша в голове еще с этим переносом. Ох, уродцы яйцеголовые... Я и подавал, Вась. Всеволод Федорович Руднев. Когда до «Варяга» исполнял обязанности начальника порта в Артуре. До того, как Грече приехал.

– Петрович, ты закусывай давай. Кстати, а *вы* там того... Нормально? Не конфликтуете? – Балк рассмеялся и выразительно постучал себя пальцем по лбу. – У меня вот все раздвоения личности в первые пару недель закончились. Правда и *его* воспоминаний почти не осталось.

– Да нормально вроде. Хотя *он* нет-нет да и... Ну, типа, как внутренний голос... На уровне эмоций больше. И по жизни только, а не по делам. Вот как к мадемуазель Жужу пошли – поначалу конкретно упирался. Не поверишь! Пришлось с Шустовым на пару уговаривать. Плесни-ка, кстати, будь другом... Зато с памятью вроде не обманули. Все, что было не со мной, помню. Песня такая у нас была, не забыл?

– Да нет, не забыл. А точно подметил, прям, как про нас. Живем-то за себя и за того парня. Да... Главное, чтоб еще на земле – «доброй»...

– Стало быть, такие штуки у каждого индивидуально протекают. Но не бойся, Вась. В желтый дом не съеду. Все под контролем.

– Ну, слава богу. Хорошо бы и Вадик так же. Бесконфликтно. А про подготовку к войне... Все так. И тут я с тобой полностью согласен, не ново и не оригинально. Подобный же маразм, если не хуже, мы наблюдали перед нашим попадосом сюда. Там, в почившем в бозе родном мире. Но тамошние наши вожди, с Горбатого начиная, это особый случай. Здесь же пока царь-батюшка вполне серьезно собирается воевать и войну выигрывать. Вопрос – как?

– Давай тогда, как в классике пойдём простым, логическим ходом – мы с кем воюем?

– С японцами.

– Правильно мыслишь. Но узко. Давай смотреть шире. Мы, Василий, воюем с островом. Заметь аналогию: Англия – остров. Америка в нашем бывшем мире, США то бишь, по сути своей, тоже остров. Хотя очень большой. И Япония – остров... Или острова, что существа дела не меняет. Им, дабы успешно развиваться по имперскому пути, необходимо расширяться. Подчинять себе окружающих в любых формах. Ибо империя нормально существует лишь до тех пор, пока она расширяется. Ведет внешнюю экспансию. Но стоит ей в этом движении остановиться или дать кому-то себя остановить, наступает неизбежный коллапс, катастрофа, развал и, как следствие, неисчислимы лишения и страдания подавляющего большинства ее системообразующей нации. Отсюда вопрос: а куда «расширяться» острову?

– Только за море.

– Совершенно верно. А для этого, как ты понимаешь, необходимо что? Необходим флот. Гражданский, как механизм торгового преодоления морского пространства, и военный. Чтобы, во-первых, доставлять свою вооруженную силу туда, куда империя решит расширяться, во-вторых, защищать свою морскую торговлю и уничтожить вражескую, а в-третьих, самим фактом своего наличия или присутствия решительно влиять на политику других государств в нуж-

ном для островной империи ключе. Таким образом, боевой флот становится для острова первым приоритетом в военном строительстве. Ибо до тех пор пока он не овладел морем, никакая могучая армия исход заморской войны в пользу острова не решит. Может показаться, что тут наша Российская империя находится в принципиально ином положении. Ей теоретически есть куда расширяться и без моря. Отсюда известная мыслишка – а нафиг нам флот этот вообще? Тратиться еще на него... Мы и с одной армией куда хочешь расширится!

– А что? Не так, что ли?

– Ага... И ты туда же. Вот оно сухопутное мышление! А куда расширяться-то? На запад проблематично – соседи серьезные. Там «маленькой победоносной» не пахнет. Но есть же еще юг, юго-восток, юго-запад. Однако увы! Сегодня куда мы не сунемся – везде перед нами... англичане! Они успели обойти с тыла, морем, возможные предметы наших имперских вожделений. И сегодня нет у них задачи важнее, чем положить предел экспансии России. Остановить наше расширение. Что будет в этом случае дальше, я тебе уже сказал – те самые неизбежные, неисчислимы лишения и страдания русского народа. Поэтому нам необходимо учиться воевать с островом. С островами. Так как свободных кусков в мире не осталось и перспектива впереди одна – передел. Неизбежная перспектива. И все рассуждения о «новом мышлении», о достижении разумных пределов, нерасширении, «блестя-

щей самоизоляции», наконец, – это либо бред наивных идеалистов, либо циничное предательство интересов собственной страны, либо продуманный политический фарс. А если грядет передел, значит, без собственного мощного флота здесь никак. Причем дееспособного. Знающего, как воевать с островом, с его флотом. Поскольку у островного положения, кроме понятных достоинств, есть и важнейшая ахиллессова пята. И знаешь, какая?

– Побережье?

– Не, Вась. Ты до него доберись сперва, попробуй... Да флот же! Флот! Флот и есть его ахиллессова пята. Военный и торговый. Без них остров – это не расширяющаяся победоносная империя, а прозябающий, даже голодающий... остров. Отсюда вытекают две цели. Первая: разбив его линейные силы, овладеть морем. И вторая: парализовать его морскую торговлю. Как собственную, так и нейтральную. Причем для этой второй цели достижение первой вовсе не является необходимым условием. И эта вторая достигается...

– Путем крейсерской войны.

– Правильно! Но поскольку в нашей истории Рождественский де-факто самолично ее и похоронил, нужно, чтобы Вадим в этом вопросе Николая обработал заранее. И это, Василий... За тех, кто в море, что ли?

– За тех, кого с нами нет. Не возражаешь, ваше превосходительство?

– Давай. За тех...

– Ну вот, отпустило маленько. Спасибо тебе, дорогой.

– За что?

– За все... И что про лекарство вовремя вспомнил.

– Кстати, про Вадика... На мой взгляд, Петрович, коли с Алексеевым у него что-то сложилось, в этом русле пока и нужно держаться. То, что адмирал сразу стойку сделал по снаряжному вопросу, это очень здорово, так как убеждает: наместник кровно заинтересован в скорейшем выигрыше войны. В отличие от Куропаткина и стоящих за ним «профранцузов», у этих появился шанс погреть руки на новых кредитах при игре вдолгую. И подожди, скоро выяснится, что еще и наши доморощенные безобразовцы входят во вкус. Для бандюганов или олигархов деньги не пахнут, а у меня с этой компашкой есть определенные аналогии из жизненного опыта. Война, особенно долгая, кое для кого дело очень даже прибыльное.

– Только японцам ее затягивать никакого резона. А так же еще нам троим, Макарову, Алексееву да царю-батюшке.

– Этим временным совпадением интересов и нужно воспользоваться. Как ты помнишь, «галантерейщик и кардинал – это сила!». И поскольку в наших флотских проблемах ты рулишь вполне компетентно, тут тебе и флаг в руки. Ну а я, наверное, своим прямым делом займусь. Ручки мои шаловливые того, чешутся...

– Не понял. Ты чего удумал-то? Меня бросить? Вась, ты обиделся, что ли?

– Ладно, не пропадешь. Чай, не маленький. Даже Вадик в Питере выжил. Не съели, да еще и к телу Николашки пробились и влиянием пользуются. А уж ты во Владике после того, как тебя официально назначили командующим всего, что тут есть, и подавно не пропадешь. Да и не попать бы мне нас всех...

– Что такое ты несешь?! На чем?

– А ты в курсе, что со дня на день с Корсакова транспорт «Якут» придет?

– Да мне он как-то... В общем, на войне погоды не делает.

– А мне очень даже «как-то»... Спасибо Беренсу, подсказал. Тут память моего Василия и выстрелила! Братец его двоюродный, то есть теперь уже мой, там на мосту стоит! Типа, мой «наставник по жизни» и все такое. Ты об этом не знал, конечно?

– Слушай, Вась... Ей-богу, на командирах транспортов никогда не зацикливался. Вот так фокус. И что?

– Что «что»? Похоже, что этот перенос «психовой матрицы» память нашу, ну, которая до нас была, так подавляет, что нужные воспоминания всплывают в самый тот момент, когда чем-то по носу щелкает. Пока ничего жареного не вспомнилось. Но подколка Беренса и зарубаевское «гм-м-м...» наводят на мысль, что между нами было что-то оч-чень интересное. Посему мне нужно валить из Владика. И резко. Так я думаю.

– Так... Слушай, может, попробовать организовать твой

перевод в Артур, к Макарову. Как считаешь? Там ты...

– Нет, Петрович. Идею ухватил, но пока не моего она уровня. Не мичманского.

– Лейтенантского.

– Ну да. Но все равно к большой кухне меня там никто не подпустит. Мне сейчас надо завоевывать авторитет не во флоте, тут есть ты, а в армии. И есть кое-какие мысли в тему, вот, посмотри, я тут тоже на досуге кое-что набросал... Не резон нам Куроки на ЮМЖД выпускать. Как тебе идея создания сухопутного аналога «Варяга»?

– Ты, по-моему, как-то слишком серьезно воспринял анекдот про подводную лодку в степях Украины, которая героически погибла в воздушном бою...

В ответ Балк с хитрой усмешкой вытащил из внутреннего кармана свои собственные эскизы и разложил их поверх рудневских.

– Ну, не ты один бумагу мараешь.

Карпышев долго и внимательно рассматривал наброски Балка, а потом спросил:

– Что это такое, и причем тут «Варяг»?

– Петрович, это проект бронепоезда, на котором я буду совершать героические подвиги под Порт-Артуром. Сам же говоришь, что на суше нас ждут крупные проблемы. Вот я ими и займусь. Это – мое. По профилю, так сказать. Мне все одно во флоте делать нечего, это твоя епархия, тут ты при делах. Пообщавшись же с местными сухопутными офицерами,

я понял что там, в армии то бишь, я нужнее. Прикинь – они же не только про танки еще не знают, они даже идею обороны с организацией нормального флангового огня не поняли!

На лице Балка возникло мечтательное выражение, как будто он уже косил из максима густые цепи японских солдат. И именно с фланга, когда одна пуля может свалить до трех человек. В реальность его вернуло ехидное замечание все еще не врубившегося Карпышева:

– А бронепоезд-то зачем? Чтобы сподручнее было на нем во фланг заезжать, попутно прокладывая колею железки?

Тяжело вздохнув и мысленно закатив глаза к потолку по поводу очевидного скудоумия коллеги по несчастью в вопросах войны на суше, Балк начал подробно разъяснять ему идею использования бронепоездов против неподготовленного противника. Спустя пяток минут Руднев наконец оценил перспективы настолько, что скрепя сердце согласился отпустить от себя второго современника.

– Ладно. Организую тебе Манхэттенский проект владивостокского разлива. Секретность, занятость и все такое. Глядишь, и родич докучать особо не сможет. Хотя я, наверное, ты уж не обижайся, постараюсь его на время услатить куда-нибудь... Наливай. Не пьянки ради, здоровья для.

– Во славу русского оружия!

– Но меня все равно из Владика ты завтра отпустишь.

– Куда намылился?

– Для начала съезжу в Никольск-Уссурийский. Постоль-

ку-поскольку и депо паровозное, и путные мастерские железнодорожные у нас там. Во Владике ни черта нет пока. Тока вокзал, пакгаузы и склады, проверил уже...

– Ясно. А если ты мне вдруг резко понадобишься?

– Это по железке сто верст. Паровоз, вагон, три часа от силы. Не та проблема.

– Но только без помощи Вадика ни фига у тебя, боюсь, не выйдет с Куропаткиным... Интересно, как он там в Питере, крыса медицинская?

– Так он с утра на телеграф прислал первый нормальный отчет о своих действиях, неужто никто тебе еще не доложил? Кончай с бардаком, Петрович. Адресован Рудневу или Балку, для вручения твоему превосходительству. Меня первым нашли, вот и отдали...

– Не говорили. Но все равно не до того было. Я родную мать, встретив тут, на улице, не узнал бы – весь на нервах из-за этого облома. Так что там засланец в высшие сферы пишет?

– Почитаешь. Только скажи мне, ты про то, что с командой «Корейца» в Чемульпо творится, тоже не в курсах?

– У нас их отпустили под подписку о неучастии в войне, как и команду «Варяга». А что тут? Ну не надо на меня смотреть укоризненными глазами старшего брата, не надо.

– Вижу, что кроме аглицкой прессы, да еще позавчерашней, ничего не листал. А зря! Вот тебе «Дальний Восток», сегодняшняя, кстати, газетка. Все же о боевых товарищах мог

бы и побеспокоиться... В последний раз прощаю... – Балк легко и непринужденно уклонился от очередного брошенного в его голову карандаша. – В общем, нашла коса на камень. Сначала японцы неделю требовали выдать им Беляева для расследования его поведения в бою. Но он их с борта «Паскаля» послал куда подальше, командир «Паскаля» Виктор Сенес его поддержал, мол, нейтральный стационар. Теперь они бы и рады, чтобы он убрался из Чемульпо под ту самую подписку: у него очередь из журналистов на интервью на полгода вперед. А японцам лишнее освещение того, что они там делают, с беляевскими комментариями, ни к чему. Но теперь уже уперся Беляев. Как узнал, какой «Кореец» стоит во Владивостоке, дал слово чести – пока идет война, он подписку не даст. Патовая ситуация, понимаешь...

– Вот уж этот пат разрешить проще простого – я не знаю, что с теми японцами делать, что мы на «Ниссине» с «Кассугой» взяли, ну и с экипажами рыбаков и пароходов, что нам подвернулись. Вот и предложим через газеты поменять всех на всех, безо всяких условий. Заодно и твой Секари вернется домой. Как с ним, до чего договорились?

– Если вкратце, то микадо своего он предавать, конечно, не будет, но предложение взаимовыгодного мира с небольшими взаимными уступками ради прекращения войны его заинтересовало. Но, во-первых, его голос в Японии ничего не решающий, а во-вторых, я и сам-то не очень верю, что сейчас этот маховик так просто можно остановить.

– Это ты правильно подметил, про «нерешающий». Кстати, как и наши с тобой в России. Ты понимаешь, что в свете того, что ты про Николая и Желтороссию понарасписывал, коли мы японцам вломим по первое число, никаких взаимных уступок не будет. Не то чтобы им куска Кореи. Смотри, как бы тебе не пришлось погеройствовать где-нибудь на Кюсю, Хоккайдо или на Цусиме, а мне тебя туда десантировать и коммуникацию обеспечивать. Николай с радостью втопчет японцев обратно в средневековье. И, положи руку на сердце, для России это будет вполне логичным завершением войны против наглого агрессора. А если мы втроем попробуем что-то свое намудрить, просто прихлопнуть могут, не посмотрев, что шибко умные и заслуженные. Но для начала, как ты же как-то и выразился, «выпотрошат с пристрастием» в каком-нибудь каземате Петропавловки или Шлиссельбурга. Оно *нам* надо? И ты не меньше моего соображаешь, какие интересы брошены на весы.

– Да, понимаю, Петрович. Все понимаю... И, если честно, от этого у меня на душе как во рту с перепоя. Очень хочется в будущем видеть Японию в союзниках. Считаю это моей дурацкой идеей фикс.

– Отчего же дурацкой? Я бы тоже руками и ногами «за». Тока пока обстоятельства так складываются, что они нам враги. Умные, упорные и смелые. Посему и достойные уважения, но только как враги. Вопрос в том, как в царе градус злобности снизить, когда поймем, что наша берет... Ладно,

подумаем еще, время есть. Дай-ка взглянуть, что там наш Калиостро пишет, за «Манджура» не кается, небось?

– Нифига не кается. А по твоим глобальным идеям войны на море – давай уж завтра дождем. На свежую голову.

Отчёт о пребывании экипажа канонерской лодки «Кореец» в Чемульпо

Литературная редакция, дозволенная цензурой для открытой печати. На основе подлинного, составленного командиром КНЛ «Кореец» капитаном 2-го ранга Г. Беляевым «Морской сборник», № 1, 1924 г.

Первые минуты после взрыва «Корейца» практически никто из экипажа не в состоянии восстановить в деталях – в большинстве своем мы были заняты вычёрпыванием из шлюпок и катера воды, накрывшей всех после гибели канлодки. Некоторые были сброшены потоками за борт, одна шлюпка перевернулась, увеличив жертвы среди раненых. Но благодаря мужеству экипажей наших шлюпок и катера все, кто смог вынырнуть на поверхность, были подняты товарищами на борт.

Через сорок минут после взрыва канонерской лодки все пережившие ее последний бой собрались на берегу. В связи с большим количеством нуждавшихся в медицинской помощи раненых я приказал срочно отправить всех в госпи-

таль христианской миссии в Чемульпо. На этот раз (в отличие от эвакуации с «Корейца») все они были размещены на шлюпках с максимально доступным комфортом. Из-за этого мест для гребцов практически не осталось, поэтому шлюпки ушли на буксире катера.

Была проведена перекличка. На берегу со мной остались двадцать восемь здоровых и шестнадцать легкораненых, отказавшихся отправляться в госпиталь. С катером и шлюпками отправлено четверо здоровых и двадцать пять раненых. Полный поимённый список погибших и выживших был составлен позднее в Чемульпо.

Я планировал дать команде на месте высадки часовой отдых, но через десять минут в миле от нас на берегу было замечено значительное количество японцев. Несмотря на всю хаотичность покидания «Асамы», большая часть её экипажа уже была на берегу. Поэтому я построил своих орлов в колонну и дал команду следовать в Чемульпо.

Под грохот орудий у нас за спиной, удручённые гибелью «Корейца», мы шли в город, когда вдруг раздалось два взрыва, привлёкших наше внимание – тонула «Чиода». Только теперь мы осознали, что «Кореец» и «Сунгари» полностью отомщены. Это вдохнуло в нас силы: в город мы входили не толпой переживших кораблекрушение, а строем и с песней.

На ближайшем к месту бывшей стоянки «Варяга» пирсе нас уже ждали офицеры со стационаров. Узнав, что все раненые приняты госпиталем, я рассказал собравшимся о том,

что до возвращения парламентёров на «Варяг» с «Асамы» дали залп по находившимся в нейтральных корейских водах русским кораблям, в результате на фарватере был потоплен невооружённый пароход «Сунгари».

Постепенно первоначально хаотичное сборище на берегу разделилось на две группы. В одной офицеры и матросы делились личными переживаниями. В другой я докладывал обстановку импровизированно собравшемуся совету командиров стационаров. В ходе этого собрания коммодор Бейли дважды переспросил меня, уверен ли я, что Руднев не собирался интернировать «Варяга» в Чемульпо. Пришлось объяснить англичанину, что понятия о чести русского офицера не позволяют интернировать, пока есть хоть какие-то шансы нанести урон противнику, а спускать флаг перед неприятелем прямо запрещает Морской устав. После этого коммодор минут пять в обсуждении активного участия не принимал.

После известия о гибели «Сунгари» и «Чиоды» на фарватере Чемульпо для уточнения обстановки с французского и британского кораблей к границе территориальных вод были направлены паровые катера. Я высказал обеспокоенность, что в результате действий японцев повреждённый и осевший от поступившей воды «Варяг» после боя не сможет войти в порт. И что таким образом японцы подготовили ему ловушку.

На это командир английского стационара раздражённо за-

явил, что его больше волнует, что он не сможет выйти из Чемульпо. Все остальные охотно согласились при необходимости направить к возвращающемуся «Варягу» свои катера и шлюпки для спасения экипажа крейсера. Еще он ехидно поинтересовался, откуда взялись мины, на которых подорвалась «Чиода»? Пришлось объяснить, что перед неизбежным боем оба корабля сдали на «Сунгари» все лишние взрывоопасные грузы, в том числе и дюжину мин заграждения с «Варяга», часть из которых, очевидно, не сдетонировала, а разлетелась по акватории. Так что японцы наступили на грабли, которые сами и бросили на пол.

Еще посоветовавшись, командиры стационаров составили предварительный список размещения русских моряков на своих кораблях для их защиты от нарушающих всякое международное право японцев. Экипажу «Корейца» достался «Паскаль», и через час мы повторяли историю завязки боя в более тесном кругу, а потом ещё раз и ещё. А Бейли так яростно настаивал на том, что экипаж «Варяга» по возвращению в Чемульпо должен быть размещен на его корабле и он «должен поговорить с Рудневым еще раз», что никто не стал настаивать на противном. Тем более это устраивало меня, ибо я-то знал, что Руднев в Чемульпо не вернется в любом случае, а отсылать своих людей к англичанам не хотелось.

Французы живо реагировали на всё рассказываемое – на их лицах как в зеркале читались и наша озлобленность на

японцев, и скорбь по погибшим на «Корейце», и наша тревога за «Варяг», и опасения за нарушение судоходства. Но не забывали они и про хлеб насущный. К вечеру все разместившиеся на «Паскале» моряки с «Корейца» и сотрудники посольства были снабжены недостающими элементами одежды и всем прочим необходимым.

В сумерках «Паскаль» перешёл на якорное место «Варяга» с тем, чтобы случайно выжившие и вернувшиеся в порт не искали соотечественников по всей его территории. По установившейся в порту традиции оставленное «Паскалем» место тут же облюбовали корейские рыбаки – у них считается, что отходы камбуза и сбросы гальюна являются лучшей подкормкой для рыбы.

Для защиты русских подданных в госпитале командирами стационаров была направлена охрана к христианской миссии. Только командир североамериканского авизо «Виксбург» Маршалл отказался в этом участвовать, сославшись на то, что не имеет инструкций от своего правительства на такой случай. И, видимо, караулы выставили не зря – появившийся утром капитан Исикуро, командир роты японского десанта, попытался войти в миссию, чтобы, по его словам, «взять русских в плен», но, видя матросов со стационаров, отказался от намерений.

К этому моменту японцы уже высадили в Чемульпо четыре батальона 23-й пехотной бригады 12-й дивизии с трех транспортов еще в ночь перед нашим боем. Нам стало из-

вестно это доподлинно через доверенное лицо капитана Сенеса, имевшее сношения с японцами. Благодаря его информации, полученной с определенным риском, я могу утверждать, что и остальные подразделения дивизии были вскоре высажены в чистой от льда бухте Асан. В этой бухте и порту Чемульпо были свезены на берег 16-й и 28-й полки 2-й пехотной дивизии, 37-й и 38-й полки 4-й пехотной дивизии 1-й армии генерала Куроки. Высадка их продолжалась в течение полутора недель с начала боевых действий. Для создания дополнительного причального фронта, пока вход в Чемульпо был затруднен, японцы притопили вдоль южного берега бухты Асан четыре судна, через которые и свозили на берег тяжелые грузы.

Утром, спустя сутки после боя, через японцев на стационары поступила информация, что «Варяг» всё-таки прорвался!

Состоявшаяся поздно вечером встреча японского адмирала Того, экстренно прибывшего в Чемульпо с эскадрой крейсеров, и нашего посланника, действительного статского советника Павлова, прибывшего из Сеула, в присутствии командиров стационаров осудила действия комендоров «Асамы», приведшие к несанкционированному залпу. Но в вопросе о статусе русских в Корее стороны разошлись. Японцы всех считали военнопленными, европейцы же говорили о нейтралитете Кореи. Для уточнения позиции корейского правительства решили отправить поездом в Сеул курьеров.

К моменту начала обсуждения вопроса о минировании «Варягом» порта вернулись катера, уходившие на поиск спасшихся. Помимо тел погибших они доставили сигнальные шары и размокшие остатки глобуса с «Варяга», которые японцы в ходе боя приняли за мины.

Пока велись переговоры, всё тот же неугомонный японский пехотный капитан Исикуро явился с командой стрелков к борту «Паскаля» с требованием выдать ему всех русских. За отсутствием на борту командира капитана второго ранга Сенеса переговоры с сидящими в сампанах японцами с нижней площадки трапа вёл старший офицер. Когда при помощи переводчика на странной смеси английского и французского были озвучены требования японца, несколько находившихся на борту над местом переговоров французских моряков спустили штаны и продемонстрировали наглому Исикуро свои ягодицы. Таковая реакция экипажа «Паскаля» обусловлена тем, что снаряд японского первого залпа, которым был утоплен «Сунгари», перелетом лег всего в пяти кабельтовых от французов.

Ошивавшийся неподалёку на катере американский репортёр Джек Лондон посчитал это жестом русской команды, и с тех пор фотографию голых французских ягодиц на «Паскале» с подписью: «Ответ русских на японский ультиматум» можно видеть во всех фотоальбомах, посвященных Русско-японской войне, сразу после фотографии лежащей на борту «Асамы». В редакции его сообщение дополнили

«историей» о том, что я якобы достал револьвер и готовился отстреливаться с «Паскаля». Две недели спустя они, конечно, дали опровержение в пять строчек, но даже столько лет спустя находятся желающие узнать подробности этой мифической истории и просят показать на фотографии, какой из голых задов мой.

Еще в нашу первую встречу с господином Лондоном на борту «Паскаля», куда он двумя днями позже прибыл взять у меня интервью, я ясно ему сказал, что в момент переговоров я и все остальные русские моряки были внизу, дабы избежать инцидентов. Позже, во Владивостоке, он извинялся за невольное пущенную им газетную утку, но эту птицу если выпустишь – уже не поймать.

Узнав о требованиях японцев по сдаче в плен, моряки с «Эльбы», дабы не ударить в грязь лицом перед французами и показать свою лихость, пришли на смену караула возле миссии с запасными комплектами формы. Уходящая смена увела с собой на их корабль восемь человек тех, кому дальнейшая помощь могла быть оказана и в корабельном лазарете.

К вечеру вернулись курьеры из Сеула с документом за подписью полномочного министра иностранных дел правительства Кореи, подтверждавшим право японцев брать в плен русских на территории Кореи. Французы и итальянцы заявили, что на их кораблях русские находятся вне юрисдикции Кореи и являются не комбатантами, а гостями. Того по-

обещал попросить сухопутное командование укоротить носов зарвавшегося Исикуро.

Как бы извиняясь за блокирование порта, он пообещал отпустить в Россию по мере выздоровления всех пленённых в Чемульпо в обмен на их обещание не участвовать в этой войне. Покидая внешний рейд, его корабли оставили двадцать четыре паровых катера для скорейшего поиска и расчистки безопасного фарватера. Чем они сперва и занялись, причем с интенсивностью заправской пожарной команды, а потом, когда эта небезопасная работа была выполнена, переключились на помощь в высадке войск.

Я два раз выходил на катере с «Паскаля» – наблюдать за действиями японских тральных сил. К их катерам на подмогу следующим утром подошли еще и шесть малых миноносцев, а позднее еще два. Поутру они связывались попарно пятидесятиметровым тросом с закреплённой посередине десятиметровой секцией противоторпедной сети с «Асамы». А потом методично, вплоть до самой темноты, утюжили водную гладь. Мощности катерных машин для срыва с якоря мин не хватало, поэтому при обнаружении мины они высылали к ней третий катер, ныряльщики закрепляли на ней несколько динамитных шашек, после чего катера спешно удалялись от места взрыва, утопив трос и секцию сети.

У миноносцев работа шла более споро, и часть мин они просто отгаскивали на мелкое место, где те сами собой всплывали вследствие достаточной для этого длины минре-

па. Японцы их потом расстреляли из митральез. В целом действия японских моряков можно признать эффективными, за исключением, пожалуй, большого количества простуженных ныряльщиков, о которых нам рассказывали возвращающиеся из госпиталя товарищи.

Японцы обвеховали район вокруг затонувших «Сунгари» и «Чиоды» и деятельно тралили только его. Отсюда я сделал вывод, что мой разговор с командирами стационаров стал неприятелю известен. Что подтвердилось дополнительно, когда командир французского крейсера Сенес сообщил мне через четыре дня после нашего боя, что японцы все наши мины уже обезвредили, общим числом около десятка, и поутру он может сниматься с якоря. Его интересовали мои дальнейшие планы, и чем он может нам еще помочь. Я же не смог тогда ему ничего вразумительного ответить, ибо был слишком подавлен тем фактом, что моя ненужная чрезмерная откровенность помогла противнику завершить тральные работы не за неделю или даже больше, а всего в трое суток.

Необходимо, однако, отметить еще один момент. Когда мы стояли в порту в ночь до боя, неподалеку от нас болталась на якоре и какая-то корейская джонка. Если бы не вонь рыбы, которую там готовили, я и не запомнил бы этого факта. Потом я видел этот же двухмачтовый кораблик у берега, когда мы высаживались после гибели канонерки, и кто-то из наших моряков удивился тогда глупости и беспечности корейцев, которые спокойно стояли на отмели почти что

в границах зоны морского боя. Каково же было мое удивление, когда я в третий раз увидел эту грязную посудину в момент, когда к ней подошел и пришвартовался катер с японского флагмана! Мы с капитаном Сенесом, связав все эти факты, пришли к выводу, что все время рядом с «Корейцем» и «Варягом» находился японский соглядатай. И, по-видимому, его сведений о наших действиях до боя и во время оно-го хватило японцам для решения о тралении лишь одного участка фарватера.

А затем нас ждал тягостный удар. Наш добрый хозяин, командир «Паскаля», пряча глаза, передал мне газеты, в которых сообщалось, что все жертвы наши оказались, увы, напрасными. Наш красавец «Варяг» погиб в море, он затонул от полученных в бою повреждений. Причем из всей кают-компания уцелел лишь младший доктор.

Состояние как офицеров, так и команды нашей было тяжелым. Французы, спасибо им, поддерживали, как могли. Но что это было нам, глядящим на радостное оживление врагов, хозяйничающих на рейде и в порту. Один из моих офицеров едва не свел счеты с жизнью. Бог отвел. Осечка приключилась.

К концу недели нашего сидения на «Паскале», а Сенес не спешил с уходом, так как меня заботила проблема наших раненых, в порту было не протолкнуться от японских транспортов. Причем высадку они поначалу вели, как я уже писал, и в бухте Асан, несколько южнее порта. Расстояние от нее

до Сеула немногим более двадцати километров, причем две трети пути по вполне приличной грунтовой дороге.

Вскоре мы увидели среди входящих транспортов и вооруженные пароходы под военно-морским флагом, что навело меня на мысль о том, что флот также включился в десантную операцию ради ее ускорения. Появление в порту нескольких крейсеров с палубами, забитыми солдатами, немедленно начавшими переправляться на берег, окончательно убедили меня в том, что японцы сумели втайне от нас подготовить к десанту такое множество войск, что для их переправы им уже не хватает пароходов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.